

Стивен Хантер

Крутые белые парни

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121702
Крутые белые парни: Эксмо, Домино; М., СПб.; 2011
ISBN 978-5-699-50163-2

Аннотация

Если стрелять, так стрелять много, и тогда рано или поздно попадешь в цель. Меткость вовсе не обязательна для людей, которые самым веским аргументом считают выстрел в затылок.

Полицейский Бад Пьюти начинает охоту на трех опасных преступников, сбежавших из тюрьмы. Он идет по кровавым следам, оставляемым бандой, которая совершает череду бессмысленных убийств.

Содержание

Глава 01	5
Глава 02	20
Глава 03	30
Глава 04	35
Глава 05	44
Глава 06	52
Глава 07	63
Глава 08	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Стивен Хантер

Крутые белые парни

*Посвящается пятерым друзьям, которые неизменно
были рядом в трудные минуты:*

Майку Хиллу

Бобу Лопесу

Ленну Миллеру

Уэйману Свэггеру

Стивену Уиглеру

В самой сути пенологии заключается некий странный парадокс, и именно из него проистекают тысячи пороков и противоречий тюремной системы наказаний. Этот парадокс заключается в том, что в тюрьму попадают не только худшие, но и лучшие представители молодого поколения – самые гордые, самые храбрые, самые отважные, самые неггибаемые перед лицом бедности. И вот тут начинается ужас.

Норман Мейлер.

Введение к книге Джека Генри Эббота

«Во чреве зверя»

Никто на свете не знает, каково быть дурным человеком.

Питер Таунсенд.

За занавесом синих глаз

Глава 01

Обладателем самого большого члена среди заключенных каторжной тюрьмы Мак-Алестера мог по праву считаться Ламар Пай. Правда, в этой же тюрьме у троих ниггеров члены были еще больше, но поскольку, по мнению Ламара, черных вряд ли можно называть людьми, то их члены в счет не шли. Во всяком случае, ничего подобного не было ни у одного белого как в этой тюрьме, так и во многих других, в которых Ламар побывал за свою сознательную жизнь. Это было чудовище, монстр, узловатое, опутанное венами сооружение, мало похожее на то, чем ему полагалось быть. Скорее эта штука была похожа на кусок высоковольтного кабеля.

Из-за этой своей особенности Ламар был фигурой номер один в гомосексуальном хит-параде, хотя педики могли только мечтать о его прелестях в своих сокровенных сновидениях. Ламар не был голубым, несмотря на то что под настроение мог изнасиловать любого мужика. Он не был ни профессиональным насильником, ни панком, ни стукачом, ни курильщиком марихуаны, ни педерастом; вся его внешность несла на себе отпечаток грубой силы, которая говорила сама за себя: иметь дело со мной все равно что иметь дело со смертью.

Ему, конечно, помогало прикрытие папаши Кула, продырявленного пулями короля рокеров, который пас подонков Мака; его наркоманы поддерживали репутацию Ламара как профессионального убийцы, поэтому с ним предпочитали не связываться ни паханы, ни охранники. Кроме того, в трудную минуту его всегда мог поддержать его двоюродный брат Оделл, отличавшийся громадным ростом и непомерной силой. Но самое главное – Ламар мог и сам за себя постоять. В тюрьме он был принцем грязных белых парней.

Было четыре часа пополудни одного из множества однообразных дней длинной грустной истории одной из самых мрачных тюрем Оклахомы. Ламар зашел в душ, расположенный в корпусе охраны, отделенном двумя зонами безопасности от коридора Д, и повернул кран. Горячие, упругие струи воды ударили по вздувшимся мышцам, смывая с них пот. Это был самый лучший момент в течение дня, и Ламар, как истинный жизнелюб, считал, что заслужил право минуту-другую понежиться в надзирательском душе перед разводом по камерам. Для него это удовольствие означало то же, что иметь миллион на банковском счете, а уж он-то знал, что этого миллиона у него никогда не будет. Зато у него был кусок прекрасного душистого туалетного мыла, а не эта зеленая дезинфицирующая дрянь, которую получали заключенные под видом мыла. Он с наслаждением вскрыл бумажную упаковку и достал ароматный брусок.

Ламару Паю было тридцать восемь лет, на голове у него красовалась пышная грива густых волос, которые он обычно либо заплетал в косу, либо стягивал в конский хвост. Он имел открытое, дружелюбное лицо и теплый взгляд. Нос его, как нетрудно было заметить, побывал во многих передрыгах. Несмотря на это дружелюбие, а лучше сказать, вопреки ему на костяшках его пальцев на правой и левой руках были вытатуированы надписи «Твою» и «мать!», а на левом предплечье красовалось: «Рожден, чтобы пинать задницы». Надпись была выполнена с большой фантазией и обрамлена красивыми завитушками. На правом предплечье такими же прихотливыми линиями был изображен кинжал, воткнутый в плоть на пол-лезвия. Из раны выступали красные капли крови. Надпись на левом запястье гласила: «Тень смерти», рядом с ней помещалось грубое, но удивительно верное изображение черепа. На тыльной стороне правой кисти было написано: «Убийственная белая молния», около этой надписи можно было разглядеть бледно-голубую закорючку, похожую на крысиный хвост и долженствующую изображать молнию. Ламар не мог припомнить, когда ему нанесли эту татуировку, – вероятно, был сильно пьян или нанюхался дури. Просто однажды во время

двухлетней отсидки за нападение с целью ограбления он проснулся с этой гадостью на руке. Дурацкое дело не хитрое.

Прикосновение воды вызывало удивительно приятное ощущение во вздувшихся мышцах. Все дело было в контрасте между парящим жаром воздуха и чувством прохлады в натруженных мускулах. Двести наклонов с тридцатипятикилограммовой штангой, двести приседаний с девяностокилограммовой штангой на плечах – это работа. Кроме того, он провел черт знает сколько времени на тренажере, упражняя свои грудные мышцы. От всего этого он вспотел, как грузчик в жаркую погоду, и так же раздулся. Теперь же, когда под действием горячей воды его мышцы опадали, он испытывал приятнейшее ощущение прохлады.

Ламар подставил грудь под струю воды. Скосив глаза вниз, он увидел необозримое поле для игры фантазии. Грудь была широкой, белой и почти не прикрытой волосами. На ней можно было много чего нарисовать.

Он начал думать об этом не без влияния Ричарда. Новичок Ричард был так напуган всем увиденным в тюрьме, что неделями молчал и вел себя как мышка, стремясь не привлечь ничьего внимания. Сначала Ламар хотел его немного помучить, потом трахнуть, а после этого за сигареты продать его ниггерам Родни Смоллза. Но этот чертов Ричард был таким слабаком, что о него не стоило и мараться. Ричард был занят только одним: он целыми днями напролет просиживал с какой-то дощечкой, на которой лежал кусок бумаги, и яростно чиркал по бумаге карандашом, словно это могло помочь ему избавиться от тюремного кошмара. Кроме этого, он читал маленькие, забавного вида книжки без картинок, время от времени что-то яростно в них подчеркивая. Когда бы Ламар ни выходил во двор тюрьмы, Ричард следовал за ним, как собачонка.

Однажды Ламар не выдержал:

– Эй, парень, черт тебя побери, что ты там делаешь с этим дерьмом?

Услышав, что обращаются непосредственно к нему, Ричард моментально сник и съжился. С лица сбежала краска, пухлые щеки стали сероватого цвета. Он задрожал, как чахлый лист на осеннем ветру. Потом, собравшись с духом, сказал:

– Арт.

– Кто такой этот Арт?

– Арт – это искусство, – пояснил Ричард. – Это картинки, которые рисует нам наше художественное воображение и эстетическое чувство.

– Что за хреновину ты мне тут городишь? – вскипел Ламар.

Ему захотелось переломать Ричарду кости. Он ненавидел, когда в него начинали стрелять непонятными словами. «Эстетическое чувство». Гребаный интеллигент! Однако любопытство было слишком сильно. Он наклонился, чтобы посмотреть, над чем это так усердно колдует Ричард.

Черт подери, так ведь это же сам Ламар! Ламар собственной персоной, устрашающий, как лев, и неустрашимый перед лицом человека, похожий на легендарного короля или викинга. В сиянии холодной луны стоял могучий Ламар с огромным мечом, готовый тысячами убивать своих врагов. В целом картина поразила Ламара, оказав на него магическое действие, или как там это еще называется. В глубине души он даже, пожалуй, был тронут.

– Дерьмо, – произнес он вслух. – Я совсем не таков. Я насильник, я трахаю своих сокамерников в их вонючие задницы и совсем не похож на этого героя, будь он неладен.

– Я... Я просто нарисовал то, что подсказало мне воображение, – проговорил Ричард. – Пожалуйста, не бейте меня.

– Ну и ну!

Озадаченный Ламар вернулся к своему «Пентхаусу». Однако увиденная картина что-то сдвинула в его душе. Она стала частью его сновидений, затмив на какое-то время журнальных блондинок с розовыми соблазнительными задницами, которые в прежние времена поз-

воляли Ламару расслабиться и отдохнуть душой. Теперь этого не было. Особенно в первую ночь. То же самое произошло и в следующую. Днем он снова захотел посмотреть картинки Ричарда. И на другой день тоже. Так продолжалось почти целую неделю. С этого времени Ламар стал засыпать с мечтой снова увидеть понравившиеся ему картины.

– Покажешь мне еще картинку?

– Да, – ответил Ричард.

– А ты смог бы нарисовать и другие рисунки? Помнишь, как я тебе говорил. Я не смогу тебе это показать. Я, чтоб оно провалилось, могу только сказать тебе, что я хочу увидеть. Ты можешь это нарисовать?

– Э-э, думаю, что да. Я хочу сказать, конечно.

– Гмм. – Ламар долго обдумывал свою речь. – Знаешь, единственное, что я люблю на самом деле, – это львы. Но я хочу, чтобы ты нарисовал льва не в каких-то там джунглях, а в замке. Ты меня понял? И еще сучку, блондинку с большими, по-настоящему большими сиськами. И она, понимаешь ли, любит этого льва. Она любит его как мужчину, а не как зверя. Но я не хочу, чтобы ты нарисовал, как лев дерет эту девку. Это должно выглядеть так, будто лев мог бы поиметь ее, если бы только захотел.

– Кажется, я понял, что вы имеете в виду. Лев как архетип определенной агрессивной мужской силы.

– Что-о?

– О, я хочу сказать...

– Он лев, у него есть девка. С сиськами. И все это происходит при царе Горохе. Всосал?

– Да, сэр.

Работа закипела. Целыми днями напролет Ричард просиживал в углу камеры, неистово чиркая карандашом по бумаге. Варианты множились, комкались и, сопровождаемые руганью, летели в мусорный бак. Ричард не поленился взять в тюремной библиотеке книги, где были изображения львов. И вот наконец:

– Ламар? Это то, что вы имели в виду?

Ричард держал в руке готовый рисунок. Лев был богом, девица – шлюхой с огромными грудями и сосками, тугими, как тетива лука. Лев – хозяин, она – рабыня.

– Черт тебя возьми! – воскликнул Ламар. – Вы только посмотрите! Слушай, парень, ты как будто вытащил это у меня из головы. Черт возьми, вот это работа! Только, знаешь, по моему, лев должен быть немного повыше. И может быть, сиськи у девки чересчур большие? Они слишком уж велики. В жизни таких не бывает. А я хочу, чтобы было как в жизни. А вот замок получился хорошо.

Ричард принял критику со стоицизмом настоящего мужчины. Всю следующую неделю он исправлял рисунок. Когда он представил Ламару окончательный вариант, тот остался доволен.

– Черт возьми, Ричард, у тебя талант! Это я тебе говорю. Слушай, я хочу, чтобы ты попробовал нарисовать и другие вещи. У меня в голове много всяких картин. Ты сможешь нарисовать их на бумаге?

– Уверен, что смогу, – ответил Ричард.

– Нет, черт подери, это нечто! Ты будешь рисовать то, что я тебе скажу. Ты будешь рисовать, а я буду заботиться о тебе. Понял?

– Да, сэр, – согласился Ричард, и сделка была заключена.

Почему это так льстило его самолюбию? Он не мог ответить на подобный вопрос. Но это существовало, это был неведомый ранее источник удовольствия. Стоило ему что-то себе вообразить, как Ричард тут же изображал это на бумаге. Такое воплощение мечты переполняло его счастьем. Ламар, казалось, даже чуточку раздулся от удовольствия. Он был счастлив оттого, что мир, в котором он пребывал, оказался так неплохо устроенным. Его все боя-

лись. Он мог трахнуть любого белого парня и половину ниггеров, если бы захотел этого. Ему шел процент от торговых операций с наркотиками. Капали деньги и с лаборатории в округе Кэддо, которая выдавала на гора полкило амфетамина в неделю. При нем его двоюродный брат Оделл был счастлив настолько, насколько мог быть счастлив этот несчастный мальчик. Ричард рисовал ему все, что он хотел. Ламар мог считать себя богатым человеком.

Эти мечтания посетили Ламара, когда он, как обычно, нежился в надзирательском душе. Вдруг посреди клубящегося пара перед ним возникло нечто, что разметало в прах все его благополучие и резко перевернуло всю его жизнь.

Пораженный Ламар внимательно взгляделся в нечто бесформенное, представшее его глазам. В этот час никто не имел права заходить в душ. Ламар платил надзирателю, Гарри Фанту, четыре пачки сигарет в неделю за право мыться в душе в гордом одиночестве. Никто не смел тревожить его в эти священные минуты.

– Кто здесь, черт бы тебя подрал? – прорычал Ламар.

Среди струй пара обозначилась огромная черная фигура, такая же голая, как сам Ламар. Огромные округлые формы человеческого тела блестели отраженным светом.

– Черт возьми, Малютка, здесь сейчас никого не должно быть. Я купил это долбаное время.

В Малютке Джефферсоне было около ста восьмидесяти килограммов, и, голый, он был похож на персонаж из фильма ужасов. Сходство усиливалось отраженным сиянием его черной кожи. Глаза его также блестели довольно странно. Ламару все это очень не понравилось. Звериный инстинкт привел его тело в боевую готовность. Малютка был известным насильником и растлителем малолетних и одним из немногих заключенных корпуса Д, которые не боялись Ламара и его звероподобного кузена Оделла.

– Ты же знаешь эти чертовы правила, Малютка, – сказал Ламар, немного отступив назад. – Это мое время. Я заплатил за него. Заплатил Гарри Фанту. Таковы правила.

– Дерьмо все эти твои правила. – Малютка провел рукой по животу, сграбастал свой твердый, как резиновая дубинка, член и показал его Ламару. Член от напряжения отливал стальной синевой. – Очень уж мне охота занять белую подружку, – заявил Малютка. – Всю жизнь мечтал о белой заднице.

– Отвали, долбаный ниггер. Между нашими группировками договор, ты нарушаешь правила.

– Твой родственничек, дубина Оделл, чем-то насолил папаше Кулу, поэтому папаша Кул продал твою задницу Родни Смоллзу, а тот подарил ее мне. Ты будешь подстилкой для ниггеров целый месяц.

Через долю секунды до Ламара дошло, что все это очень даже возможно. Ох уж этот Оделл! Мальчишка родился без мозгов в голове. Ему не только не хватало плоти во рту и на губе, у него и ума-то было не очень много. Но если он насолил папаше, то учить его было бесполезно, потому что этот чурбан не отличал боли от удовольствия. Да что там, он даже не мог представить себе, что такое страх. По этой причине наказывать Оделла было чистой бессмыслицей, и папаша решил наказать вместо него Ламара. В этом была какая-то дьявольская справедливость: Ламар отвечал за Оделла, ведь они были члены одной семьи.

– Ты что-то не так понял, ниггер. Я не даю вставлять члены в задницу, я сам неплохо вставляю туда свой.

– Я специально попросил тебя, Ламар, ты такой хорошенький, – проговорил Малютка мечтательно.

Ламар однажды видел, как во дворе сектора Д Малютка убил какого-то педика. Он просто расплющил его о стенку. Этот педик, из воров, заслужил свою судьбу. Малютка прижал его к стенке и накрыл его лицо огромным животом и покатой, бочкообразной грудью.

Как бедняга ни бился и ни извивался, все было кончено в течение двух минут. Да, больше ему не потребовалось.

Малютка, глотая слюнки, надвигался на Ламара, огромный, как земной шар. Ламар был совершенно безоружен: лезвие спрятано в бритвенном наборе в туалете. На нем не было ботинок, чтобы пнуть ниггера как следует. Он на целых девяносто килограммов легче соперника, и хотя он был силен, но недостаточно для того, чтобы справиться с Малюткой. Однако Ламар не испугался. Это всегда его забавляло; он никогда не пугался, и никто не видел его растерянным. Он даже засмеялся при этой мысли. Если только прижаться спиной к крепкой стенке, то ничего не потеряно и все будет в порядке. Но момент был все-таки волнующим.

Ламар молчал, собираясь с силами, в то время как гигант, раскачиваясь из стороны в сторону, надвигался на него всей своей тушей, раскинув руки и растопырив пальцы. Как только Малютка приблизился, Ламар нанес ему прямой удар правой в область сердца. Кулак вмял плоть ниггера с силой парового молота, под сводами душа отдалось звонкое эхо.левой снизу Ламар поддал Малютке в солнечное сплетение. Все это не произвело на гиганта никакого впечатления, своим огромным брюхом он придавил Ламара к стене и склонился над ним.

– Я выдавлю из тебя воздух, а потом отволоку в свою камеру, как полудохлую собаку, вот так, сэр. Сегодня ночью тебе придется попотеть.

В воздухе повис густой смех Малютки. Он животом плющил о стенку грудную клетку Ламара и сжимал его сердце. Ламар чувствовал, что его голова болтается из стороны в сторону, как у рыбы, которую выбросили на берег на потеху ребятишкам.

Рукой, похожей на свиной окорок, Малютка схватил Ламара за волосы, притиснул его голову к стенке и наклонился, чтобы поцеловать свою жертву.

Обездвиженный, лишенный кислорода, Ламар беспомощно наблюдал, как губы негра сложились сладострастным бантиком. Из его груди вырвался крик отчаяния. Этот вопль был настолько силен, что на минуту потряс даже черного гиганта. Ламар получил передышку и приобрел шанс. Он изо всех сил вытянул вперед шею, став похожим на черепаху, и в следующую секунду вонзил зубы в нос Малютки Джефферсона. Он грыз этот проклятый нос, захлебываясь кровью и не слыша, как кричит Малютка. А Малютка кричал. Он отпрянул назад, инстинктивно потянувшись рукой к больному месту. Освобожденный Ламар, выплевывая застрявшие в зубах хрящи, быстро присел и молниеносным ударом сокрушил негру мошонку, раздавив одно яичко. На какую-то секунду Малютка потерял сознание, но тут же выпрямился, пылая яростью и жаждой мести. В этот момент Ламар костяшками пальцев левой руки нанес удар по гортани Малютки. Под кулаком что-то хрустнуло. Малютка Джефферсон упал на колени, судорожно хватая ртом воздух. Его глаза молили о пощаде, но Ламар не был склонен к милосердию, он обежал вокруг гиганта и ребром ладони ударил его по шее. Джефферсон дернулся вперед, как будто его ударило током, и попытался слабеющей рукой заслониться от следующих ударов, но Ламар молотил его обеими руками по позвоночнику до тех пор, пока великан не рухнул плашмя на пол.

Ламар оторвался от своей жертвы и отдышал, тяжело дыша. Руки болели, все тело сотрясала произвольная дрожь. В мозгу громкими толчками билась кровь.

– Хотел меня поиметь? На, получи! – крикнул он.

Неуклюже, как выброшенный на берег кит, Малютка перевернулся на спину. Изо рта и носа хлестала кровь, в глазах застыл ужас. Он поднял большую, вымазанную в крови руку, как бы пытаясь заслониться от новых ударов этого маленького, но крепкого человека. Из душа продолжала литься вода, всюду клубился пар. Черная кожа Малютки заплывала красным цветом крови.

– Не бей меня больше, – попросил он, – пожалуйста.

Ламар внимательно посмотрел на поверженного противника. Можно годами лупить Малютку изо всех сил, поймать его во все дырки, но убить его практически невозможно. Это потребует гораздо большего труда, чем убить самого Ламара.

– О боже, – хрипел Малютка Джефферсон, – как же ты меня избил. Помоги мне. Я уже и дышать-то не могу.

В душе Ламара не шевельнулась ни одна струна. Он понимал только, что перед ним стоит проблема: как заткнуть рот этому жирному ниггеру? Ответ: куском мыла. Он вскрыл новую упаковку душистого туалетного мыла и взял пахучий брусок в руку. Потом опустился на колени перед Малюткой.

– У тебя что-то застряло во рту, – сказал он, – дай-ка я гляну.

Малютка послушно открыл рот. В ту же секунду, быстрый, как змея, Ламар засунул в рот негру кусок мыла и сильными пальцами протолкнул его в горло. Глаза Малютки выкатились из орбит, он поднял слабеющие руки ко рту, но Ламар перехватил их и отбросил в сторону, а затем надежно затолкал мыло в глотку Малютки. Зажатый сверху куском мыла язык негра сворачивался и разворачивался в бесплодных усилиях вытолкнуть мыло наружу. Малютка издавал невообразимые нечленораздельные звуки, на мокрый пол душа потекла моча. Струи воды обдавали обоих, всю сцену окутывал густой пар. Малютка продолжал цепляться за жизнь. Он шумно портил воздух, из него сыпались куски дерьма, наполняя душевую зловонием. Черная кожа постепенно покрывалась синевой.

Наконец большая рука безвольно повисла, голова тяжело поникла набок. Глаза уставились в никуда и начали стекленеть.

Ламар отступил.

– Вставай, толстый ниггер, – сказал он. – Я хочу помучить тебя еще немного.

Но негр неподвижно лежал в собственном дерьме, глядя в потолок мертвыми глазами.

«Твою мать! Как же мне теперь помыться?» – подумал Ламар. Затем он глубоко вздохнул и понял, что если он не сбежит сегодня, прямо сейчас, то либо ниггеры Родни Смолза, либо папаша Кул убьют его до захода солнца.

Больше всего на свете Ричард Пид ненавидел последний час до развода по камерам. Во дворе он терся поближе к Ламару или Оделлу, что защищало его от других хищников. После отбоя он держался на расстоянии от братьев, съезживаясь и практически переставая существовать. Подобная пассивность спасала его. Такую безвольную тряпку было просто неинтересно мучить. Теперь же, когда он заключил сделку с Ламаром, его шансы выжить резко поднялись. Он чувствовал, что теперь ему будет легче уцелеть в течение тех трех месяцев, которые ему предстояло провести в каторжной тюрьме Мак-Алестер перед переводом в исправительное федеральное заведение общего режима в Эль-Рено, в тридцати километрах от Оклахома-Сити.

Но в четыре часа, после занятий в тренажерном зале, Ламар шел в надзирательский душ, а Оделл отправлялся на кухню кормить своих кошек. На час Ричард оставался предоставлен самому себе и должен был выживать на свой страх и риск. Чтобы время проходило незаметно, он забивался в угол камеры и сидел там тихо, как мышка, думая о художниках разных школ, о которых ему приходилось читать. Это помогало преодолевать дикий страх перед тюрьмой.

Он всегда боялся. Он знал, что был пищей. Да-да, именно так. Пищей. Он был слабым белым человеком, лишенным уголовных навыков и природной смекалки, у него не было никакого оружия, и он страшно боялся насилия. Он был самым низшим звеном макалестерской пищевой цепочки. Он был планктоном. Если Бог создал его не для того, чтобы он был съеден, то тогда за что, за какие грехи Он, без всякой вины Ричарда, заточил его в тюрьму?

Ричард твердо знал, что он очень талантлив. Окружающие постоянно строили ему козни, и только поэтому он не достиг заслуженной славы. Но он знал, что видит то, чего не видят другие, и чувствует то, что недоступно многим. Видимо, он был по натуре очень восприимчив и мог прозревать слишком многие вещи, за что его ненавидели окружавшие его посредственности.

Но такова доля художника. В обществе филистеров ему приходится нести тяжкий крест, и он с радостью понесет его.

Ричарду был тридцать один год. Его голову венчала высокая копна светлых волос, а лицо было слишком гладким для его возраста. У него было длинное податливое туловище и очень вялая разболтанная походка. Создавалось впечатление, что его ноги слишком нежны, чтобы носить тяжесть тела. По профессии он был учителем рисования (до того как стать им, он закончил Мэрилендский институт искусств в Балтиморе), но по складу души, несомненно, был истинным художником и последние двадцать лет провел, пытаясь разобраться в сложностях передачи форм человеческого тела. Эту проблему он так до сих пор и не решил. Но... впереди восемьсот семьдесят семь дней заключения, в течение которых он надеялся сосредоточиться и найти какой-то способ ее решения...

– Ричард, детка, оторви-ка задницу от койки!

Ричард очнулся от своих грез, поднял глаза и увидел Ламара, который буквально вломился в камеру. Он так спешил, что даже забыл вытереть голову после душа.

– Ох, а я...

– Слушай, нам надо сматываться. Сейчас ты пойдешь на кухню и приведешь сюда этого долбаного Оделла. Ты меня понял?

Ужас холодной волной смыл краску с лица Ричарда. Он лихорадочно сглотнул, словно у него во рту был бильярдный шар. Двор превращался в охотничьи угодья, когда такие кролики, как он, появлялись там без прикрытия. Черные изобьют его до полусмерти. Члены Арийского братства разукрасят его ритуальной татуировкой. Голубые поимеют его во все естественные отверстия. Индейцы поджарят его на костре. Охранник может выстрелить по нему, чтобы попрактиковаться в стрельбе по движущейся мишени.

– Ричард! – рявкнул Ламар. – Сегодня ты наконец станешь мужчиной. Я только что убил здорового ниггера в надзирательском душе и...

– Что?! Ты у...

В ту же секунду Ламар оказался верхом на Ричарде, прижав его к полу. Рукой он прикрыл художнику рот.

– Слушай меня, Ричард. Я не доживу до ночи, если не слиняю отсюда вместе с беднягой Оделлом. Как ты думаешь, братишка, что будет с тобой, когда мы уйдем? Тебя будут иметь все, кому не лень, самые распоследние педики будут напропалую пользоваться тобой. На твоей заднице сделают татуировку: «Место общего пользования». Понял, сынок? Сейчас я не могу показаться во дворе, потому что именно в это время я должен сидеть верхом на хрене Малютки Джефферсона. Так что нам надо срочно рвать когти.

– Рвать когти?

Это было непостижимо для Ричарда.

– Да, парнишка. Мы собираемся в отпуск, прежде чем начнется вся эта хреновина.

Ричард понимал, что все дело в отношении. Все, что требовалось, – это манера поведения, осанка, от которой за версту несет насилием и которая предупреждает всех, что ты крепкий орешек.

Он придал себе надутый и важный вид и пружинистым шагом вышел во двор. Развернув плечи и выпятив грудь, он шествовал по ярко освещенному солнцем пространству. Он – мужчина. Никто не посмеет прикоснуться к нему.

– Кис-кис-кис, – нараспев поманил его какой-то черный.

Вслед за этим кто-то издал губами чмокающий звук.

Гигантский язык облизнул толстые губы в вожденном предчувствии радости насильственного секса.

Ричард сник. Колени его затряслись, стало невероятно тяжело дышать – каждый вдох и каждый выдох давались с большим трудом. В глазах мутилось от страха. Он шел, высоко поднимая голову, притворяясь, что его вовсе не интересуют крики, которыми его приветствовали со всех сторон, хотя на самом деле от ужаса Ричарду хотелось заплакать навзрыд. В нашей Вселенной нет места комфорту – его попросту не существует нигде и, наверное, никогда не было, его просто не может быть. Это был дарвинизм, дарвинизм без прикрас, выставленный на всеобщее обозрение, практический дарвинизм. Не только сильный съедал слабого, сильных здесь тоже ели с меньшим успехом. Тюрьма – это первобытный вертеп, фестиваль людоедства.

– Миссис Ламар Пай, сладкая крошечка, у тебя попка, как у большой болонки, – нежно пропел кто-то у него за спиной, издав напоследок длинный звук, имитирующий повизгивание ласковой собачки.

Больше всего Ричарда поражало, что заключенные пользуются здесь такой свободой. И это тюрьма? Он воображал, что тюрьма – это множество изолированных камер, где можно спокойно сидеть и читать книги. Но нет. Камеры открывались в семь часов утра, заключенных считали по головам, а потом охрана переставала ими интересоваться. Люди передвигались по территории тюрьмы как кому заблагорассудится. Только немногие из сидевших выполняли какие-то работы, остальные занимались кто чем хотел: некоторые кругами ходили по двору, другие бесились как умели, до седьмого пота качали железо или играли в странную разновидность гандбола, стуча мячом о стенку. Насилию, которое совершалось здесь постоянно и походя, никто не придавал особого значения. Это была дикая степь, панорама человеческой деградации. Вокруг возвышались белые стены, стиснувшие семьсот заключенных в пространстве, предназначенном для трехсот. На вышках стояли вооруженные автоматическими винтовками охранники, которые только номинально следили за порядком.

– Эй, гринго¹, Ромео приготовил тебе одну штучку, может, ты захочешь ее пососать, радость моя, иди ко мне..

Это мексиканцы. Сами себя они называли cholos². Они были так же отвратительны, как ниггеры. Сексуальные, изящные мужчины, все время улыбающиеся, с глазами, постоянно излучающими страсть. В одежде мексиканцы придерживались причудливого стиля: всегда были одеты в ослепительно белые майки и предпочитали цветные носовые и головные платки. У черных были свои пристрастия: знойную, темпераментную музыку своей культуры они принесли и сюда, в любое время дня и ночи можно было услышать их голоса, поющие ритмичные мелодии. Негры были похожи на великолепных эбонитовых воинов. Казалось, что их рельефные мышцы вырезаны из первосортного антрацита, тела их блестели от пота, выглядели они очень эффектно и весьма гордились этим. Как страшно, боже, как же страшно было Ричарду! Вот показались члены банды краснокожих, они сами называли себя НДНЗ. Эти буквы вытатуированы у них на бицепсах неизвестным гением каллиграфии. Они равнодушно смотрели на Ричарда своими плоскими глазами, словно его не существовало вовсе. Они никогда не дразнились и не звали его, но он чувствовал, что они тоже не прочь помучить его, просто от скуки.

¹ Презрительное прозвище американца или англичанина в Латинской Америке.

² Метис (исп.).

Но ни одна из банд не была так отвратительна, как белые бандиты, которые правили в Маке бал, – племя патологических мутантов и ублюдков, татуированных и безобразно толстых. Их волосы были смазаны жиром, как у викингов в походе, беличьи глазки лучились злобой и ненавистью. Они могли изнасиловать или убить человека в течение секунды, и это не вызывало у них никаких эмоций. Жирные, с огромными белыми животами и прихотливой красной тюремной татуировкой, покрывающей их матово-белую кожу, они были элитой уголовного мира. Козлиные эспаньолки, окладистые деревенские бороды, конские хвосты, прически всех видов. Их религией были отклонения от нормы, безразличие к своей и чужой боли. Эти люди по самой своей сути были ненормальными, их ненормальность выражалась в превосходной степени. У некоторых из них, правда, еще сохранились немногие зубы.

Охваченный ужасом, Ричард благословлял защиту Ламара, ему страстно хотелось сейчас же увидеть даже этого идиота Оделла. Он понимал, что не смеет ослушаться Ламара. О, Ламар умел делать людей послушными своей воле! Поэтому Ричард, высоко подняв голову, продолжал свой путь сквозь уголовные джунгли. Сердце его было готово взорваться от страха.

Мак без Ламара? Боже, сама эта мысль повергала его в неопиcуемый ужас. Он же станет...

– Ви-чад.

Он поднял голову. Перед ним был другой его спаситель – Оделл.

Быстро сообразив, что надо делать, Ламар прошел в камеру Фредди-дантиста. Фредди был занят тем, что раскрашивал модель двухмоторного самолета времен Второй мировой войны. Ламар послал Фредди разыскать Гарри Фанта, надзирателя. Этот Гарри Фант был гением жульничества и хитрости. В своей голове он, вопреки всем уверениям психологов о пределах умственных способностей человека, держал необозримый архив всех событий, которые происходили в Маке, и даты этих событий.

Ламар посмотрел на часы. Оставалось всего двадцать минут. Заключение вот-вот начнут возвращаться в камеры. Скорее бы пришел этот проклятый Гарри!

Ламар вернулся в свою камеру и достал из-под параша лезвие – пятисантиметровый кусок стали, вырезанный из кухонного ножа. Это орудие стоило Ламару два блока сигарет. Если правильно воспользоваться такой штукой, можно убить человека одним едва заметным движением. Он делал подобное уже дважды. Этот факт подействовал на него успокаивающе. По крайней мере, он хоть умрет в драке.

Он дрался всю свою проклятую жизнь. Никогда не шла ему хорошая карта. Но это не имело значения, ведь он мужчина и обязан делать свое дело, невзирая ни на что. Он должен стоически переносить все испытания. Однажды, когда ему было девятнадцать лет, дело было в Андарко, двое полицейских трое суток продержали его в участке. Они сломали ему нос, челюсти, четыре ребра и пальцы на левой руке. Парни подозревали, что он изнасиловал индейскую девушку. Так оно и было, да и не одну ее он изнасиловал, просто остальные до того напугались, что побоялись жаловаться. Но Ламар не доставил копам удовольствия и ни в чем не признался. Да и не впервой ему было выплевывать изо рта кровь и зубы.

От нечего делать он стал перебирать свои иллюстрированные журналы: «Джагз», «Лег шоу», «Диарс энд риарс». Наконец он осторожно извлек ноябрьский номер «Пентхауса» за девяносто второй год и открыл его на середине. Там лежала картина.

На картине был изображен Ламар Лев и его сучка-принцесса. Он взгляделся в изображение, узнавая свои черты в облике короля джунглей. В прекрасном лице женщины можно было прочесть чувство подчиненности, наивысшего проявления женской любви. На этом рисунке Ричарду удалось наконец правильно нарисовать женщине грудь. Она была пышной, но не слишком большой. Ламар ненавидел гигантские сиськи. Ему нравились упругие,

плотные груди, которые подрагивают, когда женщина бежит, но не болтаются при этом из стороны в сторону. Линии женской фигуры были довольно жирными. Это сам Ламар обвел их карандашом, пытаясь разобраться, как Ричарду удалось сделать такой классный рисунок. Из-за этой «поправки» силуэт выглядел несколько тяжеловато.

В рисунке присутствовало что-то необъяснимое, что очень нравилось Ламару. Пожалуй, это была первая в его жизни вещь, которая стала ему так дорога. Он сложил картинку и сунул ее в карман в тот момент, когда вошел Гарри Фант. Гарри, самый старый из надзирателей, был в своей синей форме, при нем имелись радиотелефон и дубинка. Револьвера у него не было.

– Ламар, – сказал Гарри.

– Мы бежим отсюда. Прямо сейчас. Нас трое: Ричард, Оделл и я. И ты тоже.

Гарри вскинул на него глаза и шумно проглотил воздух. Его старческие веки увлажнились слезами:

– Ламар...

– Мне пришлось убить в вашем душе этого ниггера – Малютку Джефферсона. Он хотел меня поймать. А я знаю, что ты спер в канцелярии нужные бланки и можешь вывести нас из сектора камер, провести через пояс безопасности в коридор А, а оттуда во второй административный корпус.

Старик был уничтожен. В нем не осталось ничего – ни духа, ни злости. Ничего, кроме немощной слабости. Он стал похож на замерзший в холодную зимнюю ночь цветок. Он потупил взор, моля о пощаде.

– Я не могу это сделать, Ламар. Прошу тебя, не заставляй меня делать невозможное. Моей жене необходима операция. Внучка болеет легкими. Нам надо ее...

Но Ламар был неумолим:

– Можешь, Гарри, еще как можешь. Ты пойми, здесь будет ад, когда обнаружится труп Малютки. Ниггеры меня убьют. Я не могу допустить, чтобы это произошло со мной и моими людьми. Мне придется ссучиться, я превращусь в стукача, а между прочим, это ты поставлял героин папаше Кулу, а ЛСД и фенобарбитал – Родни Смоллзу, и ни одна душа, кроме меня, не знает, что ты работаешь на два фронта. Да ведь ты и сам иногда балуешься амфетамином и приторговываешь порошком, верно? А теперь отгадай, сколько мне понадобится времени, чтобы сдать тебя и тому и другому? Правильно, старик. Все произойдет очень и очень быстро. Они разорвут тебя в клочья. Ты превратишься в мокрое место, кошкам Оделла поживиться будет нечем, так мало от тебя останется.

Гарри нервно посмотрел на часы. До закрытия камер оставалось около двадцати минут. Примерно столько же было в его распоряжении. Потом с ним будет покончено, как и предсказал ему Ламар.

– Хорошо, – сказал он. – Будет неплохо, если при этом вы стукнете меня по голове. Это здорово поможет делу, а я еще, пожалуй, и медаль получу.

Дело было вовсе не в громадном росте Оделла. И не в том, что у него расщепленное нёбо, а в верхней губе дыра глубиной с Марианскую впадину. И не в том дело, что у него неимоверно длинные руки, а зубы черны, как гудрон. Не в том дело, что из-за своего физического уродства он мог дышать только ртом, причем, когда он шел, это дыхание становилось таким шумным, что казалось, будто по железу водят грубым напильником.

Больше всего в Оделле поражала голова. Это было странное сооружение ромбовидной формы. Создавалось впечатление, что голову вынесло из туловища каким-то нелепым взрывом: из маленького, точечных размеров подбородка вырастал широкий бледный лоб, который венчала конусообразная шапка ярко-рыжих волос. Оделл был покрыт веснушками, как Гекльберри Финн, но его глаза были начисто лишены какого-либо выражения.

Он держал в руках мертвую кошку. Несколько минут назад он неосторожно сдавил животное своей лапищей. А теперь он изо всех сил тряс труп, стараясь вернуть кошку к жизни. Но она не оживала, а болталась в его руках, как пестрая тряпка.

«Котик, – думал Оделл. – Котик, нет-нет. Котик не мяу? Котик бай-бай. Котик, Котик, прыг! Котик, прыг, прыг, прыг! Котя-котик, прыг-прыг! Делл не люби котик нет-нет. Бэби-котик бай-бай».

Ричард нервничал, наблюдая эту сцену. Хотя времени было в обрез, он не мог не подумать в который уже раз: «Боже, кто мог создать такое устрашающе несимметричное уродство? Подобное не могло бы привидеться даже Уильяму Блейку».

Оделла избегали все, включая черных и краснокожих воинов из НДНЗ. Ибо каждому было известно, что Оделлу неведомо чувство страха. Даже в этом узилище, где поведенческие страсти ничем не ограничивались, он внушал всем страх, так как сам никогда его не испытывал. Управлять Оделлом и сдерживать его мог только Ламар. Иногда он одалживал Оделла папаше Кулу, когда тому надо было кого-то наказать. Не обращая ни на кого внимания, Оделл входил в толпу черных, находил человека, который вызвал неудовольствие папаши, калечил его и, не меняясь в лице, уходил прочь.

– Оделл, мы нужны Ламару. Он послал меня за тобой. Пошли побыстрее.

– Вот котик сясдох, – бесстрастно заявил Оделл.

Лицо его обмякло и стало каким-то скучным. Вероятно, до него не дошел смысл слов Ричарда. Сам же Ричард с трудом осознал, что Оделл хотел сказать: «Мой котик сейчас умер».

Оделл поднял маленького котенка, безвольно висевшего в его огромной ручище. Шкурка котенка была странно влажной, как будто ее только что вылизали.

Ричард почувствовал, что его вот-вот вырвет. Оделл был убогим, огромным мальчиком-мужчиной с рыбьими мозгами, послушным и покорным, как старый пес. Он оставался таким до тех пор, пока Ламар не приказывал ему вести себя по-другому.

– Это очень печально, Оделл, но Ламар велел нам прийти к нему сейчас же. Это срочно.

– Отьно? – переспросил Оделл.

– Быстро-быстро, Оделл, – сказал Ричард, подражая языку, на котором Ламар общался с братом.

В затуманенных глазах Оделла блеснул огонек понимания.

– Ысто-ысто, – повторил он и улыбнулся.

От этого оскала провал в его черепе обозначился еще четче. Он сунул дохлого котенка за пазуху – Ричарду снова захотелось блевать – и бросился к выходу. Толпа расступилась перед ним. Никто не рискнул преградить путь Оделлу. Ричард поспешил следом в безопасном кильватере, благословляя судьбу и чувствуя себя почти героем.

Они не дошли до камеры. Ламар встретил их у двери, ведущей в корпус Д.

– Отлично, ребята, нам пора, – сказал Ламар.

– Ламар, я... – начал занервничавший Ричард.

– Ричард, заткнись и будь паинькой. Оделл, если Ричард начнет болтать, сделай ему не-говори.

– Не-говой, Мар, – повторил Оделл. В его глазах светилась преданная любовь. Он повернулся к Ричарду с явным намерением раскроить тому череп и сказал: – Не-говой, Вичад.

– Не-говой, – повторил за ним Ричард.

Они направились в каптерку лейтенанта, где в это время никого не было. Сам лейтенант пил кофе в комнате отдыха охраны. В каптерке их ждал перетрусивший старик Гарри.

– Ламар, у меня есть документы, но я не уверен, что они сработают. По правилам на вас надо надеть ножные кандалы и наручники.

– Тоже мне проблема, черт возьми, Гарри. Мы их наденем.

– Вы меня хорошенько стукнете?

– Мы стукнем тебя по-настоящему.

– В каптерке надо будет перевернуть все вверх дном. Там вы на меня нападете.

– Ты скажешь им, что мы все сделали чисто. Нам некогда тратить время на погром в каптерке.

– Ладно, Ламар, будь по-твоему. А ты не продашь меня, если ничего не выйдет?

– Все получится, Гарри. Это говорю тебе я, Ламар. Верь мне. На-ка, возьми.

Он протянул надзирателю короткое, остро отточенное лезвие, запрессованное в пластиковую рукоятку.

– Тебе не нужно оружие, Ламар, – сказал Гарри. – Ты же не собираешься никого убивать, правда?

– Нет, сэр, не собираюсь, – ответил Ламар, – но я могу встретить кого-нибудь, и если у меня будет это проклятое лезвие, то человек, которого я встречу, поймет, что ему будет очень плохо, если я пушу эту штуку в ход. А пока возьми лезвие, ведь охрану не проверяют детектором металла. Гарри, давай поспешим, нам пора.

Гарри с содроганием взял лезвие и опустил его в карман, сделав вид, что не понимает, для чего предназначена эта вещица.

Трое заключенных быстро надели на себя ножные кандалы, поясные цепи и наручники. Без этого заключенным ни под каким видом не разрешалось покидать отсек камер – такова была старейшая и строжайшая мера безопасности в Мак-Алестере.

– Теперь скажи мне, Ламар, как мне провести сразу троих? По регламенту вас можно проводить через контрольный пункт только по одному.

– Да ты намекни им, что поймал на один крючок трех здоровых рыбин. Скажешь, что эти парни хотят кое-что сказать начальнику лично. Ты же станешь героем, Гарри.

– И-воем, – как эхо повторил Оделл.

Вот теперь Ричард по-настоящему испугался.

Гарри угрюмо вел троицу по коридору.

– Гарри, достань-ка свою дубинку, – велел Ламар. – Это будет солидно выглядеть.

Гарри сглотнул слюну и сделал то, что потребовал Ламар. В этот момент они встретили двух надзирателей, которые шли на развод.

– Гарри, что ты делаешь с этими типами?

– Да знаешь, Ламар с кем-то повздорил и хочет что-то спеть лейтенанту. Ни с кем больше говорить не желает.

– Может, споешь мне, Ламар?

– Парень, для этого ты еще соплей не набрал. Я хочу назвать начальнику кое-какие имена, но мне и моим парням нужна защита, а защитить нас может только начальник.

– Смотри за ним в оба, Гарри. Ламар слишком продувная бестия, чтобы стать стукачом. Клянусь тебе, он что-то задумал.

– Он хороший парень, правда, Ламар? – спросил Гарри, с трудом шевеля пересохшими губами.

– Ламар – тот еще ублюдок. Ты не очень-то верь ему, Гарри. Чует мое сердце, что добром это не кончится.

Тем не менее охранники проследовали дальше по коридору, они шли исполнять свою службу.

Маленькая процессия достигла лестницы, ведущей к выходу из корпуса камер. Гарри достал свой радиотелефон.

– Контроль? Это Майк-пять, э, веду троих заключенных – двух братьев Пай и их сокамерника, э...

– Пида, – подсказал Ричард.

– Пида, – повторил Гарри в микрофон.

– Что за ерунда и блажь, Гарри? – прокаркало в ответ радио. – Лейтенант в курсе?

– Скажи, что в курсе, и пусть они, если захотят, проверят, – сказал Ламар.

Гарри снова, в который уж раз, судорожно проглотил слюну, побледнел и начал отчаянно врать в микрофон:

– Да, лейтенант знает. Можете проверить. Тут мои канарейки хотят ему что-то спеть.

– Тебе нужен конвой?

– Нет, я веду нежного новичка и двоих добрых стариков, вот и все. С ними не будет никакой головной боли.

– Следи в оба за этим долбанутым Оделлом, у него ума не больше, чем у индюка, а злобности столько же.

– Можно вести?

– Можно, только приготовь документы.

По железной лестнице Гарри повел их на проходную. На верхней ступени Ламар оглянулся. Он увидел огромный куб корпуса, окруженный высокими стенами. Ряды камер разделялись прямыми коридорами. С постов охраны эти коридоры прекрасно просматривались, а при необходимости и простреливались из водометов и огнестрельного оружия.

Ламар еще раз посмотрел на корпус камер. На свой дом. Он знал здесь каждую камеру, каждый поворот, каждый закоулок и каждый потайной закуток. Это единственное место на свете, где он был по-настоящему счастлив. Это действительно был его дом. Родной дом.

– Мар, – подал голос Оделл, – мы идем домой к маме?

– Да, Оделл. Оделл идет к маме. Делай, что я тебе скажу, и все будет хорошо.

Ламар понял, что Оделл испугался. Он покидал место, которое хорошо ему знакомо. Вероятно, он уже не помнил, как он жил на свободе, настолько ограниченным был его мозг. Тычком локтя Ламар подбодрил Оделла.

– Ламар позаботится об Оделле и все сделает как надо, – успокоил он.

На верхнем ярусе безопасности открылись бронированные ворота, главные ворота тюрьмы.

Трое заключенных вступили в зону спецконтроля. К ним подошли охранники, положили каждого из заключенных на пол лицом вниз и провели по их телам сверху вниз специальными щупами – детекторами металла. Кроме того, предварительно их обыскали. Детектор металла, суперсовременный «Гарретт суперсканер», реагировал на булавочную головку и лезвие бритвы; спрятать от него что-либо металлическое было просто невозможно. В это время другие охранники проверяли документы у Гарри.

– Гарри, эта закорючка не очень-то похожа на подпись лейтенанта, хотя, конечно, он с трудом может написать даже собственное имя.

– Когда он напивается, у него рука начинает дрожать, – пояснил Гарри. – Если вы сомневаетесь, можете позвонить ему сами.

Все дело повисло на волоске. Ричарду показалось, что кто-то перекрыл ему кислород и сдавил горло, ему стало нечем дышать. Но Ламар, казалось, ничуть не волновался.

– Вы, придурки, если вы будете и дальше так давить мне на психику, то ведь я могу и передумать. Не слишком-то я горю желанием что-то вам сказать. Я и правда могу передумать.

– Ламар, в тебе дерьма больше, чем в самом вонючем нужнике, – сказал один из охранников. – Веди их, Гарри. Что-то не верится мне, что Ламар стал стукачом. Я думал, Ламар, что ты крепкий орешек.

– Старею, – ответил Ламар, – твердости уже не хватает. Может быть, начальник создаст мне тепличные условия и буду я жить, как в деревенском клубе. Может, я даже бабу себе заведу.

– Выводи их, к черту, отсюда, – грубо проговорил надзиратель, – может, этот чертов начальник и знает, за каким дьяволом они ему сдались.

Гарри провел их через зал, расположенный за пунктом контроля. Казалось, они попали в совершенно другой мир. Зал был светлым и прохладным. В нем было просторно и много воздуха, несмотря на защитные решетки и ячеистые сетки на окнах. Сквозь ячейки металлической сетки виднелись зеленые поля юго-восточной Оклахомы. Сотни километров зеленой равнины и пологих холмов до самого Оклахома-Сити. Страна фермеров. И самое главное – горизонт! Ричард заметил его полосу между двумя красными башнями задних ворот тюрьмы, видимых только из второго административного корпуса, в котором они сейчас как раз находились.

Внешний мир... Ричард уже успел забыть о его существовании. Тотальная, огромная тяжесть тюремного заключения делала прошлую жизнь чем-то призрачным, ненастоящим. Все другое в этом мире постепенно исчезало из сознания заключенного. Ричард на короткое мгновение вспомнил сладкие образы своей жизни на свободе, удовольствия, которые он получал в то время, и свои идиотские призрачные гражданские права, которыми он тогда пользовался. Его охватила жалость к себе, и он еще раз осознал свою беспомощность.

– Нам сюда. – Ламар без напряжения, плечом высадил боковую запертую дверь.

Четверка оказалась в темном кабинете медицинского администратора тюрьмы доктора Бентина. Этот Бентин был женат на сестре какой-то важной персоны из сената и на работе последние недели не показывался в связи с очередным запоем. Весь персонал тюрьмы об этом прекрасно знал, но особа доктора Бентина являлась неприкосновенной.

Ламар быстро отобрал ключи у злополучного Гарри и освободил себя от цепей. После этого он передал ключи Оделлу, который проделал то же самое. Последним ключи получил Ричард. Пока Ричард возился с кандалами, Ламар занял наблюдательный пост у окна. Они находились на втором этаже. «Боже, – подумал Ричард, – неужели придется прыгать с такой невысказанной высоты?»

– Эге, чертов сын, он все еще здесь, – сказал Ламар. – Припарковался, где и всегда. Значит, нам придется лететь на три метра меньше. Ты не боишься прыгать, Ричард? Здесь всего шесть метров, а приземляться придется на мягкую крышу фургона.

Ричард посмотрел вниз. В семи с половиной метрах под собой он увидел плоскую крышу белого фургона. Откуда Ламар знал, что машина будет стоять здесь?

– Этот парень приезжает сюда каждый вторник и привозит булочки и печенье для торговых автоматов в комнате охраны. Мы спрыгнем на крышу, я заведу эту колымагу, и мы слиняем. Хорошо, что охрана так любит печенье!

Ламар действительно знал об этой тюрьме все. От него здесь не было тайн.

– Долго падать, – забубнил Оделл. – Бо-бо, Оделл бона.

– Нет, Оделл, ты сможешь спрыгнуть, ты же знаешь, что сможешь. Чтобы увидеть маму, надо спрыгнуть, ладно, Оделл? – Он обернулся к Ричарду: – Этот малыш очень любил свою маму. Она была единственным человеком, который хорошо к нему относился, пока не появился я. Его надо отвезти на ее могилу, пока его не убили. А теперь, Оделл, оторви-ка, ко всем чертям, эту железную сетку от окна, чтобы мы могли выбраться отсюда. Да работай побыстрее, а то скоро сюда придут плохие люди и помешают нам.

– Ламар, ты хочешь, чтобы я сам себя связал, – сказал Гарри, – но я думаю, что это у меня не очень хорошо получится, я ведь не смогу как следует сам себя спеленать. Тебе придется скрутить меня как положено.

– Не волнуйся, Гарри. Начинай вязать. Возьми свой ремень и шнур от занавески, а может, ты найдешь кусок пластыря? А мы с Оделлом пока оторвем сетку от окна. Ричард, ты расслабься, сынок, может быть, ты нам понадобишься.

Но он не понадобился. Оделл сорвал занавеску, обмотал ею руки и выдавил стекло. Потом он разобрал врачебное кресло и вооружился металлической стойкой. Действуя ею как рычагом, он ослабил болты, которыми сетка крепилась к стене. Остальное он закончил голыми руками, исполинским усилием отогнув сетку от стены настолько, что в образовавшуюся щель мог свободно протиснуться человек.

В это время Гарри Фант рыскал по кабинету в поисках пластыря и сумел-таки его найти.

– Вот этот пластырь подойдет, – сказал он. – Ламар, может, я сам загоню себе в рот кляп?

– Это прекрасная идея, Гарри. Ты же понимаешь, несколько штрихов сделают картину очень правдоподобной. Вот эта штука подойдет, правда, Ричард?

– Здорово! – отозвался тот. – Нет, в самом деле это просто здорово придумано.

– Ты готов, Оделл?

– Атоу, – ответил Оделл.

– Ламар, – подал голос Гарри, – я связал себе лодыжки и бедра. Сейчас я засуну себе в рот кляп. Свяжешь мне запястья? Но не слишком туго, ладно? И когда стукнешь меня по голове, пусти немного крови, но не очень много, я слишком стар для драматических эффектов.

– Будь спокоен, Гарри, – заверил его Ламар.

Он подождал, пока старик зачихал себе в рот несколько ватных шариков, а затем пластырем обмотал ему голову, залепив рот. Потом Ламар склонился над стариком, который с готовностью протянул ему сведенные за спиной руки. Ламар замкнул наручники на его запястьях. Сделав это, он еще несколько раз обмотал рот Гарри лентой липкого пластыря.

– Не слишком ли сильно ты его спеленал? – спросил Ричард.

– Может, и так, но все должно быть как в жизни, – ответил Ламар. – Вот и Гарри не возражает, правда, Гарри?

Гарри, давясь, подтвердил сказанное кивком.

– Ну и отлично, – заключил Ламар. – Ну, мальчики, нам надо двигать. Хотя подождите, мы забыли об одной мелочи.

Он склонился к Гарри:

– Мы ведь хотим, чтобы все было по-настоящему, правда, Гарри? Чтобы все было правдоподобно до малейшей детали, да?

Гарри кивнул.

В руке Ламара магическим блеском сверкнуло лезвие, и он одним движением перерезал старику сонную артерию.

Глава 02

Среди ночи Бада Пьюти разбудил телефонный звонок. Он очнулся от глубокого сна в темноте спальни. Рядом трудно дышала во сне жена. В доме стояла абсолютная тишина. Было лишь слышно, как два его сына ворочались под одеялами в холле на первом этаже.

Он поднял трубку:

– Да, слушаю. Пьюти.

– Бад?

Бад сразу же узнал этот голос. Это был капитан Тим Джеймс, начальник зоны пятого пояса, его непосредственный начальник. Бад ощутил раздражение в тоне капитана Джеймса. Что могло случиться? Катастрофа на дороге 1-44; пацаны вылили на мостовую канистру масла; загорелся пропан; из пробитого бака на дорогу вытек бензин; взорвался школьный автобус... Все это Бад уже видел за свою долгую службу.

– Бад, мы получили экстренное сообщение. Тревога по форме десять девяносто восемь. Из тюрьмы Мак-Алестер бежали три опасных заключенных. Они убили надзирателя, одного заключенного и, вероятно, того парня, у которого украли грузовик.

– Понял вас, сэр, – сказал Бад.

Втайне он почувствовал облегчение. На своем веку он видел на дорогах бесчисленное множество разрушений, причиной которых были скорость и металл в сочетании с невежеством или глупостью. Он живет этой жизнью уже двадцать пять лет, она забрала часть его существа: эта часть могла равнодушно взирать на то, как металл корежит молодых и здоровых людей и отнимает у них жизни.

Расселу (Баду) Пьюти было сорок восемь лет. Рослый, сильный человек с коротко подстриженными седеющими волосами и резкими манерами. Он был не слишком эмоционален, а профессия приучила его прятать те чувства, которые он испытывал, глубоко за четкими чертами квадратного лица. По внешности Бада трудно было понять, что именно он чувствовал в данный момент. Он был сержантом, заместителем командира отряда «Джи» пятой зоны дорожного патруля штата Оклахома. В пятую зону входили округа Команчи, Кэддо, Грейди, Коттон, Стивене и Джефферсон, а также длинный отрезок северо- и юго-восточной частей дороги номер 1-44, ведущей в Уичито-Фоле, что уже в Техасе.

– Понял вас, капитан, – сказал Бад. – Выезжаю.

– Бад, в таких случаях мы не высылаем одиночных патрулей. Это приказ Оклахома-Сити. Эти парни настроены решительно, и держу пари, что первым делом они остановятся у какого-нибудь оружейного магазина или охотничьего домика. Мы высылаем групповые патрули, вооруженные по всем правилам.

– С кем еду я?

– Вы поедете с этим парнем, как его, с Тедом Пеппером. Кажется, он живет недалеко от вас, так?

На какое-то мгновение Бад задумался. Он пытался привести в порядок мысли и разобраться, но, кажется, другого выхода не было. Его напарником мог быть только Тед. Как ему ни хотелось этого избежать, но выбирать было не из кого.

– Да, Тед живет в десяти минутах езды от меня, на другой стороне Лотона.

– Отлично, значит, вы едете в паре с Тедом. Это только временная мера, мы собираемся расставить посты на всех больших дорогах между нами и Мак-Алестером. Вам следует прибыть в Чикапей, к ремонтной мастерской прямо на шоссе. Вы сможете быть там к семи ноль-ноль, чтобы занять пост? Я хочу, чтобы именно вы и Тед представляли наш отряд. Как только смогу, пришлю вам замену.

– Слушаюсь, сэр, сейчас я позвоню Теду, – произнес Бад.

– Бад, я знаю, что вы опытный полицейский. Но будьте предельно осторожны. Эти парни – отъявленные мерзавцы.

Бад выкатился из-под одеяла, сел на краю кровати и посидел так несколько секунд, стараясь собраться с мыслями. Он замерз, как будто по дому гулял ледяной ветер. На самом деле это был просто предупредительный холодок.

– Бад?

Это проснулась Джен, ее голос сонно прозвучал из темноты.

– Да?

– Что случилось?

– Позвонил Тим. Вызов, будь он проклят. Из тюрьмы сбежали какие-то арестанты. Придется сидеть на этом чертовом посту или гоняться за ними по дорогам, вот и все.

– Будь осторожен, Бад.

– Я и так всегда осторожен, – заверил он.

Бад вышел на кухню и после малодушного колебания набрал номер Теда Пеппера. Он знал этот номер наизусть.

Ему пришлось ждать три звонка.

– Алло?

Трубку взяла жена Теда, Холли. Бад очень хорошо знал ее голос. Он судорожно сглотнул. По телефону ее голос звучал немного вязко; он заглушался каким-то шумом и дребезжанием, но это еще больше заставляло кружиться его голову. Ей было двадцать шесть лет. Как все-таки сложно устроен этот мир!

– Холли?

– Бад! Ты не должен звонить мне сюда. Он...

– Холли, Тед рядом?

– Здесь его нет. Ты же хорошо это знаешь. Он в своей спальне. Сейчас я его позову.

Через тридцать секунд к телефону подошел Тед:

– Бад?

– Так точно, это я, – сердечно ответил Бад и «порадовал» Теда своей новостью: – Я выезжаю и через пятнадцать минут буду у тебя. Надеюсь к этому времени увидеть тебя в отутюженной форме и с начищенной и заряженной AP-15 на плече. Ты все понял, сынок?

– О господи, – простонал Тед, – а я только что лег спать.

– Ну вот, считай, что ты уже поспал.

– Господи, Бад, у тебя на все найдется ответ. Ты просто счастливый человек, что еще тут сказать. Буду готов через двадцать минут.

– Через пятнадцать, боец Пеппер! – отчеканил Бад.

С Тедом он чувствовал себя очень вольготно. Пьюти старый, заслуженный боевой сержант – у него на все есть ответы, он всегда поддразнивает молодых и настаивает на беспрекословном подчинении легким движением бровей. До того как он получил свои лычки, он попотел под началом дюжины тертых старых сержантов, а вот теперь он и сам старый тертый сержант.

Бад включил воду в душе, облился, через секунду вышел из ванны и далее действовал так же стремительно. Он вошел в чулан, где на плечиках висела его отстиранная и отутюженная форма, и приколот на форму золотой значок – индейский щит, увенчанный двумя крыльями и обрамленный надписью «Защищать и служить». Для молодых полицейских эта эмблема ничего не значила, но для Бада этот знак символизировал причастность к элитному братству: мы поддерживаем закон, говорил этот знак миру, мы защищаем этот мир.

Бад надел носки и ножную кобуру. Надел полосатые брюки, все еще тридцать шестого размера. Потом настала очередь коричневой рубашки с серыми эполетами и надписью на плече: «Дорожный патруль штата Оклахома». Выше надписи ярко, как цветок, сверкали сер-

жантские шевроны. Девятнадцать лет потребовалось ему, чтобы достичь этого звания, хотя экзамен на сержантское звание он сдал на отлично еще на десятом году службы. Он застегнулся и затянул галстук.

– Бад, надень бронежилет! – крикнула из спальни Джен, хотя ей следовало бы спать.

Это напоминание вызвало в нем раздражение. Но в последнее время его раздражало все, что бы ни делала Джен.

– Эта проклятая штука тяжелая, как стиральная машина.

– Но все же надень жилет.

– Конечно надену, – соврал он.

Он ненавидел бронежилет. В нем он чувствовал себя как в ошейнике.

В последнюю очередь Бад надел черные высокие оксфордские ботинки и туго их зашнуровал. Экипировавшись, он вышел из чулана.

– Бад, ты так и не надел бронежилет, я же слышу. Тебя убьют, и что я буду делать со всей этой кучей неоплаченных счетов? – спросила Джен.

– Никто меня не убьет, – ответил он. – Спи.

– Последнее время ты стал просто невыносим, – угрюмо пробурчала она и отвернулась к стенке.

Он вышел в маленькую прихожую. Да, их дом нельзя назвать шикарными хоромами, но жаловаться грех. Стоял непроницаемый мрак, но Бад наизусть и на ощупь помнил каждый квадратный сантиметр своей прихожей. Он прошелся по коридору и взглянул на Расса, который почему-то трудно дышал. Во сне Расс был таким же своенравным, как и наяву. Кудрявые, непослушные волосы обрамляли его лицо; на стене над его кроватью висела фотография какого-то рок-исполнителя, в этом изображении было что-то дурманящее, дьявольское и сумасшедшее. Артист был похож на зомби в состоянии наркотического опьянения. Бад однажды видел, как водитель, наколовшийся ЛСД, устроил аварию на дороге номер 44, по ту сторону Оклахома-Сити. Они были похожи, как родные братья. Однако о Рассе Бад несколько не беспокоился. Рассу было семнадцать лет. С виду совершеннейший оболтус: волосатый, лохматый, затянутый в черную кожу, в ухе блестящая серьга – короче, черт знает что, Бад даже знать не хотел, как это все называется. Но каким-то чутьем Бад понимал, что мальчишка слишком много взял от матери и поэтому не наделает в жизни глупостей. В школе он получал только отличные оценки, и если ему повезет, то его возьмут учиться в престижный Восточный университет.

У противоположной стены спал его младший сын, Джефф. На два года младше Расса, физически он превосходил его. У него был вздернутый нос и атлетическая мускулистая фигура. В его углу слегка пахло потом от носков, пропотевших маек и футболок и десяти пар теннисных туфель. По-солдатски упрямый и желающий многого добиться, он не был гением, не очень любил читать, но во всем, что бы он ни делал, проявлял себя как трудолюбивый и честный пахарь. Он все хотел делать хорошо, правда, у него почти никогда это не получалось. В дерзаниях Джеффа было что-то трагичное, он вечно был разочарован в себе от плохо, по его мнению, выполненных заданий, которые он сам себе задавал. Баду стало грустно от любви к этому мальчику, это чувство было так остро, что Бад не удержался и, наклонившись, поцеловал в щеку младшего сына. Ему казалось, что он очень нужен Джеффу.

«И сейчас я покину этого мальчика?» – спросил он себя, почувствовав вдруг на своих плечах невероятную тяжесть. Это надо было обдумать. Возможность покинуть этот мир была реальной. «К черту панику. Я что, действительно собрался умирать?»

Что ж, все возможно. Может, именно так и произойдет.

– Папа? – Джефф заворочался, увидев отца.

– Да, Джефф. Что случилось?

– Почему ты не спишь?

– Меня вызвали. Ничего особенного.

– Ты не надел бронжилет. Я же вижу.

– Зачем он мне нужен? – ответил он. – Не беспокойся. Ты прямо как твоя мать. Спи.

Бад оставил за спиной свою семью и спустился по лестнице в холл, подошел к стенному шкафу и открыл его. Там был его арсенал. Он быстро и привычно выбрал то, что нужно.

Его тяжелый патентованный кожаный пояс висел на перекладине на внутренней стороне дверцы. Бад снял пояс, надел его и туго затянул на третью дырку. Пояс – очень важная часть амуниции полицейского; на пояс носят так много всяких вещей: наручники, газовый баллончик, дубинку, если приходится разгонять участвующих в уличных беспорядках, малую дубинку наподобие тех, которые носят мальчишки, радиотелефон, подсумок с обоймами и, конечно, пистолет.

Конечно, пистолет. Десятисантиметровый «Смит-Вессон М-66» калибра 0,357 «магнум». Он достал его с полки и быстро протер. Угловатые, прекрасные в своем безобразии контуры тускло блестели, но эта штука была очень удобна при стрельбе, в руке она сидела как влитая. Этот револьвер заряжался шестью маленькими патронами по 125 гран каждый, одиночными выстрелами из этого оружия Бад выбивал девяносто три из ста. Дважды в неделю Бад тренировался в стрельбе. Он был очень неплохим стрелком.

Он открыл барабан и вставил туда шесть патронов; взял с собой два приспособления для быстрой зарядки, в каждом из которых было по шесть обойм для скоростной перезарядки оружия. В отличие от многих других полицейских Бад старательно практиковался в обращении с этими приспособлениями. Он мог выбросить шесть стреляных гильз и вставить шесть новых патронов в течение двух секунд. Ему никогда не приходилось заряжать револьвер в боевых условиях, ему просто до сих пор не случалось стрелять по живому человеку, но лучше уметь что-то делать, даже если это не нужно, чем при необходимости не суметь это сделать. Бад положил пистолет в кобуру и застегнул клапан большим пальцем. Снова открыв ящик, где хранились его пистолеты, достал оттуда маленький «Смит-Вессон 640», щелкнул барабаном, открыл его, чтобы убедиться, что оружие заряжено пятью специальными патронами калибра 0,38. Он защелкнул барабан и сунул «бульдога» в ножную кобуру, пристегнутую к левой внутренней лодыжке. Кобуру он для надежности фиксировал к ноге шнурком.

Бад запер сейф и снял с его крышки полицейскую шляпу – форменный головной убор сержанта дорожной полиции. Темно-зеленая шляпа с плоскими полями сидела на нем как влитая, поля находились точно на уровне бровей. Наверное, именно с этой шляпы началась его полицейская карьера много лет назад. Черт возьми, он до сих пор уверен, что это самая красивая на свете шляпа, – это был единственный фасон, который он мог носить. Он бы не возражал, чтобы его похоронили в таком головном уборе или, по крайней мере, вместе с ним.

Выйдя из дома, Бад сел в скоростной джип, припаркованный на подъездной дорожке, – «шеви каприс», окрашенный в черно-белые цвета штата Оклахома. Он завел двигатель и взял в руки микрофон.

– Алло, диспетчерская, это шесть-ноль-пять, мои позывные два-одиннадцать-десять-пятьдесят один.

– Слышу вас, шесть-ноль-пять, – отозвался женский голос ночного дежурного диспетчера, – советую вам включиться в полицейскую междугороднюю сеть, чтобы получать данные по мере их поступления.

– Понял вас. Какие новости?

– Пока никаких.

– У меня все. Отключаюсь.

Он подключился к междугородной полицейской сети на частоте 155,670 мегагерц и тронул свою большую машину, направляясь к дому Теда и Холли Пеппер.

Жилой автоприцеп Пепперов был самым освещенным местом на этой мрачной улице. Впечатление создавалось как от горящей бензоколонки. Рядом с прицепом стоял Тед в полной боевой форме с зачехленной винтовкой в руках. Высокий, симпатичный молодой парень, может быть, слишком красивый; если в его характере была слабость, то она проистекала оттого, что таким людям все достается очень легко, они редко испытывают унижение и им не приходится достигать вершин своей задницей. Если вы красивый светловолосый мальчишка со вздернутым носиком, то жизнь сама поднесет вам все на тарелочке с голубой каемочкой. Но Тед был в полном порядке. Тед не имел только одного дара – особого инстинкта в распознавании отклонений в психике человека, навыка разбираться в мотивах поступков людей, навыка, который помогает рассмотреть правду под шелухой лжи. Не было у Теда и стремления довести работу до истощающего конца – это качество отличает великого полицейского. Но на свете осталось не так уж много великих полицейских, и Бад понимал, что и сам-то он вряд ли входит в их число. У него только одно преимущество перед Тедом: он немного ближе к великому полицейскому.

Когда Бад подъехал, дверь трейлера открылась и на пороге появилась Холли в домашнем халате, держа в руках закрытые крышечками пластмассовые чашки, в которых, вероятно, был горячий кофе. На лице ее сейчас не было косметики, и веснушки ярко светились на белой коже лица. Волосы соломенного, почти золотого цвета казались наэлектризованными, но, несмотря на это, Холли оставалась Холли – она была чертовски хороша.

Бад видел, что Тед пребывает в плохом настроении, и Холли держала дистанцию.

– Привет, Бад, – прошептала она. – Вас с Тедом ждет увлекательное приключение?

– Холли, помолчи, ради Христа, – взмолился Тед. – Здорово, Бад.

– Тед, ты вооружен и снаряжен?

– Да, сэр. Я взял с собой три магазина с патронами шестьдесят девятого калибра по восемнадцать штук в каждом, как предписывает устав.

– Молодец! Бросай все в машину и поехали. Доброе утро, Холли.

– Не обращайтесь на меня внимания, господин сержант Бад Пьюти.

Он рассмеялся: Холли была кокетливой девушкой.

– Мальчишки, я приготовила вам кофе. Надеюсь, он вам поможет.

– Нам поможет все, – ответил Бад, открывая багажник.

Тед положил свою винтовку рядом с ружьем Бада – помповым ружьем двенадцатого калибра с выдвижным магазином.

– Мальчишки, с таким вооружением вы можете на свой страх и риск начинать войну, – заметила Холли.

– Мы вообще не собираемся ни в кого стрелять, – сообщил Бад. – Просто эти поганцы, перед тем как вернуться в тюрьму, решили немного размять ноги. Для нас это небольшой отпуск на природе.

– Но я слышала, что они уже убили трех человек, – тревожно проговорила Холли.

– Так наши герои еще и немного вспыльчивы, – усмехнулся Бад. Но когда он обратился к Теду, голос его был серьезен: – Тед, я хочу, чтобы ты вернулся домой и надел бронежилет. Сегодня у нас будет день бронежилетов.

– Бад, ты ведь знаешь, как я ненавижу этот чертов бронежилет. Ты же не надел свой.

– Да, я не надел. Но видишь, тут такое дело: если вдруг начнется стрельба, то героем будешь ты, а я спокойно забьюсь на заднее сиденье и буду молиться за твою победу. Поэтому мне не нужен бронежилет. А тебе нужен, молодой боец. Ты же не хочешь оставить вдовой такую очаровательную женщину?

– Ох, Бад...

– Тед, не вынуждай меня вспоминать о твоём звании в присутствии твоей жены. Так что иди и надень жилет. И не думай, что мне будет стыдно, если ты назовешь меня лицемером. Я и сам это давно знаю, сынок, и, между прочим, горжусь этим.

Надув губы, как наказанный ребенок, Тед угрюмо проследовал в трейлер, откуда через минуту донесся стук яростно переворачиваемых вещей и грохот захлопываемых дверей.

– Придется ему сегодня потрудиться, – заметил Бад.

– Сегодня он все будет делать как следует, он же успел проглотить чашку кофе. Бад, как ты?

– Ну, Холли, ты же знаешь.

Обычно они с Холли встречались два раза в неделю, но если их обуревало желание и появлялась возможность, то число встреч доходило до пяти-шести в неделю. Они любили друг друга в мотелях, во множестве разбросанных по всей округе, такой безнадежной и чистой любовью, которой Бад не испытывал никогда прежде. Со своей женой Джен он как мужчина не имел дела больше двух лет. Он уже не помнил, как выглядит ее любовь, но точно знал, что ласк Холли не забудет никогда.

Но что будет с ними дальше? На этот вопрос он, как ни старался, не мог найти ответа. У него было такое ощущение, что они на бешеной скорости несутся по шоссе, упрямо нажимая на акселератор: машина мчится все быстрее и быстрее, и появилось предчувствие, что все кончится очень плохо, но остановить эту сумасшедшую гонку уже невозможно, даже если в конце ее их ожидает ужасный финиш.

– Ты сказал, что все сделаешь сам, и я верю тебе. Ты поведешь себя как настоящий мужчина. Кажется, он возвращается.

– Он показался мне очень расстроенным. Может, он о чем-нибудь догадывается...

– Бад, этот парень уже больше года не обращает на меня ни малейшего внимания. Если бы я в одночасье позеленела, думаю, он бы этого не заметил. Нет, Бад, ни о чем он не догадывается.

– Вот и хорошо. Я не хочу, чтобы ему было больно. Это очень важно, чтобы он обо всем узнал одновременно с Джен. Тогда никто не будет обижен больше, чем следует. Мы это обдумаем. Я обещаю тебе. Клянусь.

– Ты всегда боишься причинить другому человеку боль, Бад? Мне очень нравится в тебе эта черта, но все же ты зря не надень жилет.

– Знаешь, Тед прав. Я слишком стар, чтобы наживать чесотку, таская на себе целый день этот панцирь. К тому же ты третий человек, который напомнил мне о жилете за последние двадцать минут.

– Бад, ты должен его носить. На самом деле должен.

– Да честное слово, не будет никто стрелять в такого старого дурака.

– Бад, я очень люблю тебя, – сказала она вдруг, как будто эта мысль только что пришла ей в голову.

В этот момент вернулся Тед, скованный тремя килограммами оплетенного кевларом фибергласа, надетыми под форменную рубашку.

– Отлично, – объявил Бад, – нам пора трогаться.

Он бросил Холли тайный нежный взгляд, пока Тед садился в машину, потом сам сел в нее, и машина, набирая скорость, отъехала от трейлера, направляясь к дороге номер 44.

Тед был молчалив.

– Ну вот, – нарушил тишину Бад, – кажется, нам предстоит пара тяжелых дней. В таких делах нашего брата обычно маринуют на службе по несколько дней подряд. Домой попадешь не скоро. Я помню, в семьдесят восьмом году один арестант...

В этот момент он взглянул на Теда и увидел, что тот мирно похрапывает, откинувшись на спинку сиденья.

«Глухая полночь!» – подумал Бад и нажал до упора на педаль газа, заставив машину стрелой нестись по сонному городку. Солнце уже окрашивало в розовый цвет восточную половину неба.

Полностью рассвело, когда Бад подъехал к назначенному месту на дороге номер 44. Эти мастерские находились на расстоянии шестидесяти километров от Лотона на дороге, ведущей в Оклахома-Сити. Тед проспал весь путь. Но это было даже хорошо. Он не мешал Бадю разговаривать с самим собой. Если этот сон освежил Теда, то и слава богу.

Бад подъехал к стоянке, не слишком удивившись скоплению на ней множества джипов и легковых скоростных автомобилей. Там были машины не только из его отряда, но еще с полдюжины незнакомых: машина из ведомства шерифа округа, экипажи муниципальной полиции Лотона и Чикапея. Здесь же были солдаты комендантской роты из резервации Форт-Силл. Бад удивился их многочисленности. Чуть поодаль были припаркованы два черных «седана» с эмблемой БРШО – Бюро расследований штата Оклахома, этакого доморощенного ФБР.

«Бог ты мой, – подумал Бад, – и этих птиц из БРШО занесло в нашу дыру. Эти ребята всегда уверены, что они знают свое дело лучше всякого другого. И уж в любом случае их даже сравнивать нельзя с нами – бедными старыми патрульными перечницами».

– Ну, просыпайся, парень, – объявил Бад. – Пошли представляться.

– Ох! Бад, ради Христа, прости. Но я совсем не выспался. Поверишь ли, жена совершенно не дает мне спать по ночам. Она меня совсем измочалила. С виду такая малютка, а все ей мало.

– Хотелось бы мне опять стать молодым, – сказал Бад, завершая эту гонку лжи.

Тед перестал спать со своей женой тринадцать месяцев назад по совершенно непонятной причине – просто перестал, и все. Бад занял его место два месяца назад и прекрасно знал почему.

Они вышли из машины и направились в здание мастерской, которое было забито народом, как танцплощадка воскресным вечером. Впрочем, другого они и не ожидали. Бад увидел знакомого лейтенанта, беседующего с двумя мужиками в тяжелых стальных шлемах и мешковато сидящей на них форме. Вероятно, это были ребята из БРШО. На плечах у них висели «ремингтоны» с оптическими прицелами. Действительно, глядя на все это воинство, толпящееся в коридоре, можно было заметить, что экипированы они как для серьезной военной операции. Во всяком случае, упакованы по первому классу.

– Возьмите по чашке кофе, – предложил Бад лейтенант, – выпейте, пока мы ждем этого чертова Гендерсона. Си Ди задерживается.

– А я думал, что старый задира давно помер, – отреагировал Бад на упоминание имени легендарного полицейского.

– Си Ди не собирается умирать, – возразил лейтенант, – он настолько пропитался бурбоном, что стал бессмертным.

Бад и Тед получили кофе и тубики с паштетом. Бад налег на паштет, а Тед на сахар. Тут Бад заметил, что в толпе началось движение и люди направились в дежурную комнату. По каким-то признакам они уловили, что пожаловало начальство и что сейчас с ними будут говорить языком начальственных инструкций. Бад присоединился к потоку, и скоро в дежурке, где до этого было от силы человек десять, набилось полно полицейских. Людей было столько, что яблоку упасть негде.

Сначала выступил офицер из штаба. Бад, как и все прочие, не очень-то его слушал. Все с нетерпением ждали, когда заговорит легендарный Си Ди Гендерсон, который сидел тут же в туго затянутом галстуке и с нештатным, выдавшим виды автоматическим кольцом в потертой кобуре совершенно древнего фасона. Си Ди был самым знаменитым детекти-

вом штата Оклахома, а раньше, когда он был моложе, пользовался славой непревзойденного мастера скоротечных огневых контактов. Он представлял собой ископаемое из тех прекрасных времен, когда из команды стрелков Оклахомы ФБР набирало людей для самых опасных и щекотливых операций. Сам же лейтенант Гендерсон, по слухам, обучался стрельбе у не менее легендарного Д. А. Брюса.

С виду Гендерсон был уже совершенной развалиной. Поговаривали, что он пил втемную и что его давно бы уже выгнали со службы, если бы у него не хранились на этот случай фотографии известных политиков, снятых в компании проституток и прочих подобных пикантных личностей.

– Позвольте мне выразить свое восхищение вашим поведением. Не могу передать вам, какое сильное впечатление произвело на меня то, что все вы, мальчишки, так быстро и в таком количестве откликнулись на зов долга, – сказал Гендерсон, когда пришла его очередь говорить. Его лицо было сморщено, как долго пролежавший на солнце чернослив. Костюм цвета хаки, украшенный ковбойским кантом, был, казалось, куплен на человека гораздо более высокого роста и мощного телосложения и висел на сутулых плечах старого лейтенанта, как на вешалке. – Как бы там ни было, Департамент исправительных учреждений возложил на нас чертовски трудную задачу. У меня есть все последние данные – я только что получил из Оклахома-Сити телефонограмму. Господа, будьте добры получить бюллетени.

Двое молодых полицейских раздали присутствующим бюллетени, отпечатанные на трех страницах.

– Вчера вечером, около девятнадцати часов, то есть тринадцать часов назад, из каторжной тюрьмы усиленного режима бежал опасный преступник Ламар Пай. Он увел с собой своего двоюродного брата Оделла и новичка по имени Ричард Пид. Можете себе представить, что это за тип, если он ухитрился бежать из тюрьмы Мак-Алестера. Первая неприятная деталь заключается в том, что только в десять часов вечера, когда заключенных пересчитывали по головам, открылось, что не хватает троих. Их начали искать. Вместо них нашли несколько трупов. Убегая, они перерезали горло старому надзирателю. Кроме того, было найдено тело темнокожего заключенного Уилли Ральфа Джефферсона. Его обнаружили в шкафу в раздевалке душа с куском мыла в глотке. Скорее всего, это дело рук Оделла. Мы быстро выяснили, что шофер, который доставляет продукты для торговых автоматов, так и не вернулся в свою фирму. В гараже также отсутствует его фургон. Это очень плохо, что с момента побега до его обнаружения прошло больше четырех часов. Из-за этого посты на дорогах и поисковые собаки из Мак-Алестера вряд ли смогут как-то помочь делу.

Затем Гендерсон поведал собравшимся о некоторых красочных деталях происшествия, включая описание фургона, который преступники, вероятно, использовали для своего побега. Это был «Форд-89» с надписью «Продукты для гостиниц» на кузове. Кроме того, Гендерсон сообщил полицейским номер водительских прав и словесный портрет водителя фургона, некоего Уилларда Джонса.

– Вы держите в руках ориентировки на этих троих заключенных. Ламар – самый худший и опасный из них. Он опытный заключенный и профессиональный преступник. Впервые нарушил закон в десятилетнем возрасте. Кстати, его папашу убили в перестрелке с арканзасскими полицейскими в пятьдесят пятом году, когда Ламар был еще комочком в утробе матери. Учился в исправительной школе. За ним числятся нападения, вооруженные нападения, вооруженные ограбления и торговля наркотиками. Он приложил руку ко всем видам преступной деятельности. Работал в Талсе и Оклахома-Сити. В семьдесят четвертом году застрелил служащего магазина. Просто застрелил, и все. Мотивы преступления остались невыясненными. Таков Ламар. Приговор был обжалован, он вышел на свободу и в восьмидесятом году совершил еще одно убийство. В тот раз они с Оделлом, этим несчастным дураком Оделлом, занялись грабежом банков и закусовых. Черт их возьми, они даже

ограбили йогуртную лавку в Талсе. Оба они первоклассные стрелки. В восьмидесятом году были осуждены. Мы также думаем, что именно Ламар нажимал на курок, когда убили двух осведомителей из мотоциклетного клуба «Благородные язычники», и сделал он это по заказу «Язычников». Есть и еще кое-что, чего вы не прочтете в бюллетене. У этого Ламара хозяйство как у быка. Покойный Джонни Диллингер – кролик по сравнению с ним. Так что если у вас возникнут подозрения, померяйте его агрегат. Если вам не хватит на это длины двух рулеток, то это точно он.

Полицейские дружно рассмеялись.

– Теперь об Оделле. Это своего рода телохранитель Ламара. Он совершенно туп, ничего не сообщает и почти не может говорить. Вероятно, умственная отсталость. Так или иначе, в восемьдесят пятом году Ламар и Оделл решили отделаться от капитана клуба «Благородных язычников», который в чем-то перешел им дорогу. Они отвезли его за Анадарко и там застрелили. Пуля попала в голову. Но он умер не так быстро, как они надеялись, и успел назвать их имена. Таким образом эти мальчики наконец попали в тюрьму Мак.

Бад рассматривал фотографии этих двоих и видел то, что видел уже не один раз. Это были обычные труппобные подонки: горящие глаза, тяжелый взгляд, в котором таилась ненависть к миру нормальных людей или светилась откровенная тупость. Это были умы, которые отличались от умов большинства людей, хотя они не в меньшей степени отличались и между собой. Убийцы и вымогатели, жестокие и безжалостные, – и тем не менее, черт возьми, им не откажешь в храбрости. В них было много отважной агрессивности. Они сжились с насилием и чувствовали себя вольготно в его мире.

Глаза Оделла казались похожими на куски угля – в них ни черта не отражалось, ни одной мысли. Он без всякого выражения тарачился с фотографии, его голова странной формы, казалось, была порождением другой планетной системы. На месте верхней губы чернел страшный провал.

Ламар был другим: лицо шире, более открытое, почти красивое, не лишенное очарования. Но глаза его горели страшным огнем, они ясно говорили: «Со мной лучше не иметь дела». В нем чувствовалось что-то трагичное – закоренелые преступники, профессиональные каторжники всегда бывают талантливы. Возможно, из них могло бы получиться что-то хорошее, попади они в свое время в лучшие условия.

– Я могу предположить, как именно мы их схватим, – говорил между тем Гендерсон. – Рано или поздно он возьмется за старое. У него есть связи с половиной банд Оклахомы. Он знаком со всеми старыми осужденными и профессиональными преступниками штата. Он явится к ним, и кто-нибудь из них наступит на него. Вы же понимаете, его знакомые – это рокеры, панки и алкоголики.

Из зала раздался голос:

– А кто третий из бежавших?

– О Пиде трудно сказать что-то определенное, – ответил Гендерсон. – Раньше он никогда не имел дела с полицией. Это непризнанный художественный гений, он учился в школе для высокоодаренных детей – вы знаете, в Талсе есть такая школа. Его папаша был менеджером в нефтяной компании. Сынок же приехал на Восточное побережье, потому что здесь много художников и работают художественные школы. Он надеялся получить здесь полезную практику. Когда его мать заболела, он вернулся домой и десять лет ухаживал за ней. Преподавал рисование в колледже для младших школьников в Оклахома-Сити. Все остальное время он посвящал живописи.

Бад взглянул на фотографию Ричарда Пиды. Под высокой, пышной шапкой волос – лицо, замечательное мягкостью черт. В нем не было ни одной грубой черточки, оно казалось неоформленным, как бы вылепленным из сырой глины. На фотографии Ричард выглядел почти ребенком. Его лицо было воском, на котором жизненному опыту еще предстояло

оставить свой отпечаток. Глаза невыразительные и немного близорукие. Эти глаза, казалось, предвидели мучения, которым его подвергнут собратья по заключению. Каждая черточка лица, беспощадно высвеченная вспышкой, излучала страх. Это был кролик. Заключение неизбежно должно было убить его.

– И что же натворил этот крутой мужик? – спросил прикомандированный шериф. – Ограбил лимонадный ларек?

Но Бад прочитал в ориентировке, что осужден Ричард за нападение с намерением убить. От трех до пяти лет. Такое преступление не могло в данном случае караться заключением в такую тюрьму, как в Мак-Алестере, на столь длительный срок. Даже студент первого курса юридического факультета не послал бы его туда больше чем на два месяца.

– Дело в том, что он белый и к тому же богат. Поэтому на суде решили устроить спектакль и показать суровость. Но в Маке он должен был провести только три месяца, а потом был бы этапирован в Эль-Рено. То, что он сделал, выдает в нем ненормального, – сказал лейтенант Гендерсон. – Он организовал свою выставку и думал, что все пришедшие превознесут его до небес за великий талант. А на выставку никто не пришел. Его бедная мать не смогла его должным образом утешить, и он ударил ее ножом.

Если своими последними словами Гендерсон рассчитывал поразить аудиторию, то он ошибся адресом. В трущобах и черных гетто Оклахомы эти люди видели и не такие гротескные злодеяния. Но оказывается, Гендерсон еще не закончил свою речь:

– Он не просто ударил ее ножом. Он ударил ее в глаза. Он ослепил ее.

Глава 03

Еще один кролик получал урок общения с волками.

Время приближалось к восьми часам вечера, начинало смеркаться. До телефонного звонка лейтенанта Баду Пьюти оставалось добрых шесть часов. Но в фургоне, мчавшемся по шоссе номер 1 в направлении Ады, обучение было в полном разгаре.

Кролика звали Уиллард. На маленьком овальном значке, прикрепленном к нагрудному карману, было печатными буквами написано: УИЛЛАРД.

Ламар думал: «Что бы ни случилось, я никогда не надену на рубашку такой долбаный маленький кружок, на котором будет написано мое имя, будь оно неладно. Не хватало только, чтобы каждый осел на улице мог сказать: „Хэлло, Ламар, проверь-ка у меня уровень масла“; „Ламар, положи мои вещи вон туда“; „Ламар, я предпочитаю кофе с сахаром“».

К этому времени Уиллард уже успел намочить штаны. Он не смог удержать мочу, такой его мучил страх. Но так поступают все кролики. На то они и кролики.

– Ну а теперь, Уиллард, – потребовал Ламар, – расскажи-ка мне о своей фирме.

– Мистер, пожалуйста, не бейте меня. Боже, что я могу рассказать? Фирма как фирма.

– Сколько у них грузовиков?

– Господи, мистер, ну откуда я знаю? Я же их никогда не считал.

– Слушай меня внимательно, Уиллард. Я вовсе не хочу тебя бить и мучить. Просто ответь мне: сколько на твоей фирме грузовиков? Отвечай на мой вопрос, иначе Оделл сделает тебе то же, что уже один раз сделал, и тебе опять будет больно.

Оделл уже сломал Уилларду четыре пальца. Теперь он сидел, сомкнув пальцы своей огромной руки на тонкой, дрожащей шее Уилларда. Одновременно он ел печенье. Он съел уже штук пятьдесят.

– Итенье, – с наслаждением говорил он время от времени.

– Ричард, – окликнул Ламар, – держи курс прямо на Аду и смотри не делай глупостей. Я чувствую, что ты не превышаешь скорость, молодец! И дальше не превышай ее.

Ричард, сидевший за рулем фургона, старался придать себе бесстрастный вид, но ужас кроликов подобен гниющему мясу, он смердит и распространяется в воздухе, как зловонные миазмы. От этого ужаса Ричарда подташнивало.

– Хорошо, Ламар, – ответил Ричард.

Они проезжали мимо городков, где люди брали воду в артезианских колодцах. Ричард всегда удивлялся, как можно жить в таких местах. Вокруг виднелись бескрайние поля с разбросанными там и сям бочкообразными стогами сена. Это было воплощение фермерства Соединенных Штатов. Ричард старался не слушать того, что происходило в кузове фургона, и пытался сосредоточиться на скорости, с которой он ехал по дороге. Он поставил себе задачу ни в коем случае не превышать дозволенный правилами предел скорости и держать стрелку спидометра на цифре шестьдесят.

– Ну, может быть, грузовиков двадцать пять, – проговорил наконец Уиллард, от страха его голос вибрировал и то и дело срывался на фальцет. – Мы обеспечиваем всю Нижнюю Оклахому. Мы возим продукты во все гастрономы, во все залы торговых автоматов, в полицейские участки – копы очень любят печенье и пирожки, мы возим их и на заправочные станции, в общем, всюду, где люди едят. Вот так.

– Итенье, – сказал Оделл.

– Я прошу вас, не трогайте меня больше, у меня жена и двое детей. Сэр, я никогда никого не обижал и не делал ничего плохого.

– Не бойся меня, Уиллард. Если ты поможешь мне, то я скажу Оделлу, чтобы он не слишком сильно тебя держал, ладно?

– Да, сэр, – плачущим голосом отозвался Уиллард.

– Значит, двадцать пять грузовиков? Хорошо, а когда вы возвращаетесь, то паркуетесь все вместе или нет? Есть ли там забор и ворота? Проверяют ли вас по прибытии? Кто-нибудь за вами следит? Надо ли вам по прибытии где-то отмечаться или как?

– Мы паркуемся все вместе, сэр, – ответил Уиллард, сосредоточившись. – Никакого забора или чего-то подобного там нет. Нас никто не проверяет. Водители идут в офис, и если у них остался какой-нибудь груз, то они его разгружают. Потом проверяют наличие машин.

– Ну а если ты, к примеру, не отметил в офисе, то это кто-нибудь заметит? Будет по этому поводу большой шум? Кому об этом сообщают?

– Боже мой, вы, наверное, хотите убить меня?

– Я не собираюсь ни убивать, ни мучить тебя, если ты сам не заставишь меня это делать. Мне нужно знать все это дерьмо, Уиллард, помоги мне, черт подери. Мы же можем работать вместе, правда?

– Думаю, что часов в восемь они заинтересуются, куда это я запропастился. Если я не вернусь до десяти, они, видимо, обратятся в полицию. Но дело в том, что водители и наладчики торговых автоматов такая публика – они частенько задерживаются.

– Но ты не задерживаешься. Ты добросовестно выполняешь свою работу.

– Да, сэр.

– Ладно, Уиллард. Скажи, а у тебя есть деньги?

– Сэр, при себе у меня только десять долларов наличными – это мои деньги, но у меня еще есть много четвертных. Примерно пятьсот долларов четвертными и всякая мелочь.

– Ага. – Ламар задумался. – А как насчет кредитной банковской карточки? У тебя есть кредитная карточка, Уиллард?

– Нет, сэр. Я же зарабатываю только четырнадцать тысяч долларов в год. У меня нет денег на кредитную карточку.

– А дома у тебя есть деньги?

– Пожалуйста, сэр, не надо ехать ко мне домой. У меня две маленькие дочки. О боже, ну почему это случилось именно со мной?

Слова Уилларда окончательно вывели Ламара из себя. Он считал, что никто не имеет права задавать ему такие элементарные вопросы.

– Вот почему, Уиллард. Видишь, что здесь написано?

Он показал несчастному парню громадный кулак правой руки с надписью «Твою».

Уиллард кивнул.

– Видишь?

Он показал второй кулак. На нем было написано «мать!».

Из глаз Уилларда горячей волной струился страх. Ламар любил производить на мужчин такое впечатление.

– Ты все понял, Уиллард? Теперь ты понимаешь, какой во всем этом смысл?

Охваченный отчаянием, Уиллард снова кивнул.

– Вот так. Теперь это имеет смысл. Оделл, сломай ему большой палец.

«У Оделла итенье. Итенье кутто. Атко. Итенье как мама, атко.

Итенье, се итенье как сет. Мотри, итенье! Мотри! Узовик поны итенья.

Итенье белый, итенье асный, итенье кутто, как маако.

Мар казал: „Ломай му атой палес“.

Оделл делай селовек бона. Бон, бона. Палес не амается».

Палец действительно не поддавался усилиям Оделла.

«Палес – селк. Палес селк!

Атю ите итенья. Мар даст ите итенья».

Пока Оделл ломал Уилларду палец, тот дико кричал. Он кричал так громко, что это начало раздражать Ламара. Он пробрался вперед, пригнувшись, чтобы не высовываться, и приблизился к Ричарду.

– Как самочувствие, Ричард?

– Вам обязательно надо его так пытать? – спросил Ричард.

– Пытать? Ты просто ничего еще не видел в своей жизни, Ричард, иначе ты бы не сказал, что этого парня пытаются. Ты не знаешь, как можно пытать человека. – Ламар даже слабо улыбнулся тупости замечания Ричарда. – Ладно, – продолжил он после паузы, – поезжай вперед и не проскочи поворот на Аду. Когда свернешь, поедешь до Дэвис-стрит. Когда мы окажемся на ней, скажешь мне.

– Ламар, куда мы едем?

– Не беспокойся, сынок, я все продумал. Кстати, что ты можешь сказать о запястьях? Вспомни, что ты говорил мне прошлой ночью о запястьях.

Уиллард продолжал кричать. Он вырывался и извивался, но Оделл крепко держал его одной рукой, а другой продолжал класть в рот печенье.

«Запястья? Запястья? Какого черта он говорит про запястья?»

Потом он вспомнил: а-а, это про татуировку.

– Ах да. Понимаешь ли, да ты и сам это знаешь, та сила, которая делает живопись или рисование таким гибким, таким жизненным, таким пластичным, заключается в способности управлять своим запястьем, способности так управлять мышцами запястья, чтобы они следовали замыслу и воображению. Вот почему линии в живописи называются живыми линиями.

– Черт возьми, – воскликнул Ламар с восторгом. – Да, сэр, вы умеете красиво сказать. Ты умеешь красиво говорить и красиво рисовать. Ты очень интересный молодой парень, не правда ли, Оделл?

– У-у-у-у, – протянул Оделл, его широкий расщепленный рот растянулся в безобразном подобии улыбки, на губах хрустели невесомые крошки печенья.

Уиллард еще раз намочил в штаны, корчась в стальных объятиях Оделла.

– Ну вот, Ричард, теперь обдумай свой следующий рисунок. Я хочу опять поговорить о львах. Я люблю тигров и очень люблю орлов, но, будь я проклят, в этих старых царях джунглей есть нечто такое, от чего у меня захватывает дух. Эти зверюги нравятся мне больше всего.

Ричард увидел, что навстречу им проехала черно-белая патрульная машина. Он посмотрел на часы. Их точно пока не хватились.

Однако у Ламара на повестке дня стоял еще один вопрос. Он снова прополз в заднюю часть фургона, взял несчастного парня за подбородок, поднял его голову и заглянул в глаза. Он увидел то, что и ожидал увидеть, его это нисколько не удивило. Он увидел голый и ничем не прикрытый страх. Глаза горели, как самоцветы, словно кролик глотнул наркотика. Но это были не наркотики. Лекарством, которое сделало кролика таким безумным, был все тот же старый добрый страх. Теперь с Уиллардом Кроликом можно делать все, что угодно. Можно трахнуть его самого, можно на его глазах изнасиловать его дочерей и убить жену, поджечь его дом, а он будет неподвижно смотреть на все с дрожащими по-детски губами. Это был не мужчина, черт его побери! Это был кролик. Даже поганый ниггер будет защищаться, и его придется здорово стукнуть, чтобы успокоить.

Но кроликам это не нужно. Кролик будет покорно смотреть, как ты решаешь, какую часть его тела ты откусишь сначала. Кролик, пожалуй, даже поможет тебе выбрать кусок послаще. Он продаст тебе все и вся, все, что ты только ему прикажешь, все на свете.

– Теперь слушай меня внимательно, Уиллард, мне нужна твоя помощь.

– Ч-что?

– Оружие. Мне нужно оружие. Такому человеку, как я, человеку, у которого есть враги, необходимо оружие. Не для того, чтобы нападать, а чтобы защищаться. Уиллард, у тебя есть оружие?

– Я ненавижу оружие, – ответил Уиллард.

– Оуэе, – сказал Оделл, – бах-бах!

– Сынок, это меня не удивляет.

– Я знаю, где находится оружейный магазин. – Уиллард изо всех сил старался заслужить одобрение Ламара.

– Вот теперь, Уиллард, я вижу, что ты действительно стараешься помочь мне. Но оружейный магазин – это не то, что нам надо. Как я могу ограбить оружейный магазин, если у меня нет оружия? Да и потом, в оружейном магазине неизвестно, в какое дерьмо вляпаешься. Мальчики там упакованы и вооружены на славу и так и ищут повода, как бы им выстрелить в человека. Можешь почитать об этом в любом журнале, где пишут об оружии, там полно таких историй. Там все время встречаешь страшные истории про всяких мерзавцев, подонков и прочую сволочь с деревянными яйцами и опилками вместо мозгов. Так что в оружейный магазин мы не поедem. Мне нужен гражданин с оружием. Частное лицо, у которого есть пушки. Человек, который держит дома оружие, например охотник или кто-нибудь в этом роде, Уиллард. Я уверен, что если ты хорошенько подумаешь, то скажешь мне, где живет такой человек и как его найти.

От отчаяния у Уилларда скривилось лицо, но внезапно в глазах у него сверкнул огонек.

– Мистер Степфорд рассказывал, что его отец много охотится. Он говорил, что его старик каждую осень присылает ему олений окорок.

– Гм, – задумался Ламар, – а где сейчас находится этот мистер Степфорд? Кто он такой?

– Мистер Билл Степфорд региональный вице-президент Администрации гостиничных пекарен штата Оклахома. Босс моего босса. Мой работодатель. Он говорит, что его отец в Канаде стрелял лосей, в Мексику он ездил стрелять голубей и собирается перед смертью съездить в штат Мэн поохотиться на медведей.

– Где живет отец твоего босса?

– О, у него большая ферма, целое имение около Ратлифф-Сити.

– У этого старика, наверное, есть имя?

– Сэр, я не... только не надо меня больше мучить, ладно? Он старик. Воевал во время Второй мировой войны. Был пилотом бомбардировщика. Он был героем. Он...

– Как его имя?

– Я не знаю, – взмолился Уиллард. – Но если подумать, то мне кажется, что моего босса зовут мистер Билл Степфорд-младший. Вы не причините зла старику, ведь не причините, правда?

– Вот что, Уиллард, – проговорил Ламар. – Я отвечу добром на добро. Ты помог мне, и я больше не буду тебя мучить. Стану ли я причинять боль старику? Разве я похож на садиста? Оделл, не мучь его больше. Успокой этого парнишку.

– Оп-па! – сказал Оделл.

Оделл не стал больше мучить Уилларда. Он задушил молодого человека так спокойно и мирно, как только смог, хотя тот отчаянно вырывался и извивался в его руках.

Скорость фургона перевалила за девяносто миль в час. Ламар обернулся и прикрикнул на Ричарда:

– Черт бы тебя взял, Ричард, сбрось скорость, членосос, пока мы не попали в лапы к копам. Если они за нами погонятся, на завтрак я съем твою задницу.

Ричард постарался взять себя в руки. Парень перестал сопротивляться и затих. Ричард сбросил скорость до шестидесяти пяти и посмотрел в зеркало заднего вида. Красных мигалок не было видно. Все было в порядке. Он попытался успокоить дыхание.

– Итенъе, – блаженно проговорил Оделл.

Глава 04

Мир сошел с ума в семидесятых годах, и с тех пор положение все время ухудшалось: вооруженные автоматическим оружием ополоумевшие мальцы; нападения на женщин и детей; бритоголовые белые мальчики, вообразившие, что именно они избраны Богом; ниггеры окончательно свихнулись на большой идее самопожертвования и устрашающе затаились, вынашивая злобные планы. Временами Гендерсон начинал верить, что за всем этим безобразием стоят коммунисты, фашисты или еще какая-то организация вроде ЦРУ, ФБР или Ку-клукс-клана. Но потом лейтенант Гендерсон пришел к определенным выводам относительно причин возникшего хаоса. Ведь прежде всего он верил в логику. Он был детективом, знаменитым, прославленным законником чистой воды традиционного типа. Он был самым известным детективом Оклахомы, гвоздем программы полицейских совещаний, консультантом в самых трудных и запутанных случаях. В основе его веры лежало то, что если собрано достаточное количество данных, то, приложив голову, можно сложить эти данные в целостную картину и, придав этой картине смысл, прийти к нужному логическому заключению.

В свои шестьдесят восемь лет он оставался лейтенантом. Он был обречен оставаться в этом невысоком звании точно так же, как служить неизменной палочкой-выручалочкой в расследовании самых немисливо сложных преступлений. На его интеллекте и интуиции делались головокружительные карьеры, а он по-прежнему получал свои сорок тысяч долларов в год. Люди, с которыми он в свое время начинал работать, в большинстве своем уже умерли, те, кого он обучал мастерству, либо ушли на пенсию, либо поменяли поле деятельности на более выгодное, и теперь он остался один на один с грубыми молодыми полицейскими. Но его дар остался при нем: он видел те взаимосвязи явлений, которых другие не замечали, он с охотой делал скучную работу, сличая и просеивая факты, и до бесконечности обдумывал мельчайшие подробности дел.

– Эти детишки, – жаловался он своей бабуле, – эти Богом проклятые молокососы просто не хотят как следует работать. У них есть телефоны, коротковолновые передатчики, они потеют на допросах, мучают судебных экспертов. У них не хватает терпения понянуть факты и получить верный ответ. Они не желают взглянуть на факты и вычислить ответ. Это же так просто.

– Карл, – отвечала жена, – они все вместе не стоят и стакана томатного сока в июле.

Скорее всего, именно эта горечь толкнула его в жаркие объятия А. У. Харпера. Ежедневная пинта «харперовки» приносила душевный покой и комфорт. Гендерсон носил плоскую бутылочку, завернутую в коричневый пакет, во внутреннем кармане кителя и временами прикладывался к этому спасительному источнику. Напиток делал свободным и раскованным полет мыслей и фантазии и умирал гнев и раздражение – так, поглаживая, успокаивают расхолодившуюся маленькую собачонку. Возможно, он стал делать чуть-чуть больше ошибок, может, стал упускать кое-какие детали, возможно, молодые коллеги чувствовали, что от него за версту несет виски и что после четырех часов дня его лучше не кантовать, но все это не имело ровным счетом никакого значения. Либо пить, либо озлобиться на весь белый свет – третьего не было дано, и Гендерсон это прекрасно знал.

Теперь все эти прихлебатели и циники собрались в пустынном здании полицейского участка в Чикапее. Там же набилось полно полицейских, которые хотели либо просто увильнуть от тягот службы, либо спросить у него совета. Шел второй день охоты на людей, которую затеяли братья Пай. Положение становилось щекотливым, а все знали, что на счету Си Ди есть несколько подобных расследований.

– Послушайте, лейтенант, – говорил ему один полицейский, – как можно добыть адрес девчонки, у которой он остановится? Как вы полагаете, скоро ли мы это узнаем?

– Дело в том, что большинство таких беглых скитается по округе без определенных планов и целей, они сами не знают, как им поступить, – начал Гендерсон, вглядываясь в юные, не оформившиеся еще лица, – и в первые часы, а иногда и минуты натываются на пост. Ловить таких – одно удовольствие. Дорожные посты рассчитаны именно на таких идиотов. Есть, однако, преступники, за которыми стоят какие-то организованные, поддерживающие их силы – они снабжают беглеца транспортом, оружием и документами. Но рано или поздно их выдает кто-то из своих. Происходит это по разным причинам, но обычно из соображений выгоды. Однако иногда, время от времени, – продолжил он, – довольно редко, среди беглецов попадаются по-настоящему одаренные экземпляры. Такой человек имеет природный дар анализа ситуации, это, если хотите, Божий дар. Добавьте к этому, что такой заключенный обычно годами вынашивает план бегства, он анализирует ошибки, которые совершил в прошлом, он достаточно умен, чтобы воспользоваться опытом других заключенных. И я должен вам сказать, что в этих случаях они таки заставляют нас попотеть. Чертовски попотеть.

– Так вы думаете, Си Ди, что Ламар заставит нас поработать?

– Пока, сынок, об этом рано судить. Но его не могут найти уже сорок восемь часов, и, кажется, он сумел спрятаться. Это впечатляет, хочу вам сказать. Так что, может быть, Ламар тот самый тип – закоренелый злодей с горячим характером, который становится все опытней и опытней. И вот что я хочу вам еще сказать: если он из таких, то поймать его будет ох как нелегко.

– Си Ди, если губернатор попросит вас помочь в расследовании, что вы ему ответите?

– Я буду решать эту задачу, как любое другое уголовное дело, вот что я ему отвечу. Я скажу, что надо искать третий пункт доказательства. Иногда можно обойтись и двумя, но никогда одним – это я вынес из долгого и горького опыта. Иногда, но только иногда, на правильный путь вас могут вывести и два пункта. Со мной это случалось пару раз. Но такая возможность очень и очень мала. Обычно требуется тщательное расследование. Что бы ни являлось сутью уголовного дела – драка на улице, бытовое преступление или гонки по шоссе, – все требует тщательного расследования, к которому надо приложить фундаментальные законы, сформулированные в определенных правилах. И самое главное из этих правил – правило третьего пункта. Оно касается любого дела, каким бы вы ни занимались. Именно так мне удалось взять Фредди-дантиста.

Это было самое шумное дело Си Ди – о нем писали в прессе и даже хотели снять фильм. Правда, потом из этой затеи почему-то ничего не вышло.

Но никто не крикнул: «Расскажите нам про Фредди-дантиста, Си Ди!» По крайней мере, в этот момент.

– Это тот...

– Да, это тот самый, – сказал Си Ди и замолчал.

Перед его глазами разворачивались страницы былой славы. Господи, как же ему захотелось плотннуть виски, чтобы сделать свою речь более плавной и свободной и рассказать им подробности этого изумительного дела, чтобы молодняк понял, как надо работать.

Это было в 1975 году. Рейс «Америкэн флайт» номер 354, Оклахома-Сити – Чикаго. Самолет был в полете уже двадцать минут, когда раздался взрыв, унесший жизни ста двадцати одной души. Останки собирали на территории четырех округов. ФБР взяло расследование в свои руки. Тип взрывного устройства установили сразу, тривиальный, как всякая самодельщина: четыре палочки динамита, соединенные проволочкой с аптекарскими часами. Немудреное приспособление разворотило самолет прежде, чем он успел набрать высоту. Ребята из ФБР догадались, что, кто бы ни совершил это преступление, оно было задумано ради обогащения. Придя к такому заключению, они проверили страховые полисы на сумму свыше ста тысяч долларов, принадлежавшие жертвам преступления. Это был первый пункт доказательства. Они выявили двадцать три подозреваемых. Затем проверили,

какими инженерными и практическими познаниями в подрывном деле обладал каждый из подозреваемых, так как изготовление взрывного устройства требовало специальной подготовки и опыта. Это был второй пункт их доказательства, и, основываясь на нем, они на другой день арестовали служащего нефтяной компании, который занимался полевыми изысканиями в Чоктоу по заданию фирмы «Филлипс». Для сонарных проб в таких изысканиях регулярно применялся динамит.

Но Си Ди не купился на эту дохлую кошку. Арестованный всегда перед полетом страховал свою жену, начиная с 1958 года, когда они поженились. Ему было сорок четыре года. Семейная жизнь протекала без видимых осложнений, к тому же парень был псаломщиком в местной церкви. Правда, он обманул свою секретаршу – видимо, его единственное преступление, но оно было очень легко раскрыто, на него буквально показали пальцем. Как выяснилось, эта сторона его жизни ни для кого не являлась тайной. Но самое главное – этот человек совершенно не умел работать руками. После ареста Си Ди побывал у него дома и не обнаружил ни одной вещи, которую он сделал бы своими руками, не было даже самодельной книжной полки. В подвале не нашлось ни одного инструмента. Он знал, что между людьми, которые умеют мастерить и которые не умеют, существует непреодолимая пропасть. Он не мог поверить, что такой неумеха мог самостоятельно смастерить настоящую бомбу.

– ФБР во всех газетах раструбило о своем триумфе, – сказал Си Ди, – но, на мой взгляд, доказательства висели в воздухе. Ни дома, ни в кабинете не было обнаружено никаких следов взрывчатого вещества. Я плохо разбираюсь в бомбах, но точно знаю, что если за ее изготовление возьмется человек, у которого руки растут не отсюда, откуда надо, то на месте его работы останется воронка размером в половину округа Кливленд.

И Си Ди принялся за дело: первым пунктом доказательства он выбрал страховки от тридцати пяти до ста тысяч долларов.

– Парни из ФБР привыкли работать с организованной преступностью в Нью-Йорке. Это преступность в белых воротничках – торговцы наркотиками и подобная публика, которая не станет мараться из-за суммы, меньшей чем сто кусков. Но для человека из сельской глубинки, или мелкого торговца, или специалиста, который с трудом сводит концы с концами и вечно сидит в долгах, тридцать пять тысяч или около того – очень даже приличная сумма.

Вместо двадцати трех имен в его списке оказалось сорок семь.

Потом он поискал, какое отношение эти люди могут иметь к подрывному делу, и не нашел ровным счетом ничего. Никто из этого списка не имел ни малейшего отношения к взрывным устройствам.

Он догадался, что такой человек должен порыскать по библиотекам, чтобы поучиться. Он выяснил, что из сорока семи человек у тридцати одного был абонемент в Городской библиотеке Оклахома-Сити. В это время компьютеры были уже в ходу, поэтому никакого труда не составило узнать, что за два месяца до катастрофы один человек из составленного им списка брал на прочтение книгу «Основы изыскания с помощью взрывной техники. Руководство для геологов-нефтяников».

Этим человеком оказался Фредди Дюпон тридцати восьми лет, проживавший в городе Мидуэст, штат Оклахома, по профессии дантист.

– Дантист, подумал я, – продолжал Си Ди, обращаясь к своим слушателям, – но за каким чертом дантисту понадобилась книга о взрывах на нефтяных полях? И не является ли дантист по самому роду своей деятельности тем рукодельником, который сможет без особых затруднений собрать адскую машину?

Но этого было недостаточно. Нужен был третий пункт доказательства.

Поэтому Гендерсон взял книгу и показал ее знакомому геологу-нефтянику. Он спросил у этого человека: «Я знаю, что эта книга говорит мне. Но я хочу знать, чего она недоговаривает».

Геолог несколько минут перелистывал том, смотрел аннотацию, прочитал содержание и указатель, а потом произнес одно слово, которое вызвало нервную дрожь у Гендерсона, этой старой ищейки.

«Взрыватели» – вот единственное слово, которое он произнес. В той книге не было ни слова о взрывателях. Там не было написано, как заставить бомбу взорваться.

«Где же этот парень мог научиться делать взрыватели?» – спросил Си Ди у геолога.

«Я знаю только одно место на свете, где этому обучают. Это армия», – был ответ.

«Но он не служил в армии».

В этот момент на Си Ди нашло прозрение. Эти вояки записывают все до мелочей в свои полевые уставы.

После этого все было очень легко и просто. Позвонив в ведомство по печати правительства Соединенных Штатов, он выяснил, что зубной техник по имени Роуз Флерри, работающая вместе с доктором Дюпоном менее года, действительно заказывала полевой устав под названием «Техника изготовления детонирующих устройств в полевых условиях в войсках специального назначения». Когда книга попала к нему в руки, он обнаружил подзаголовок «Изготовление часовых механизмов из подручных средств». Описанный там механизм как две капли воды был похож на тот, что использовался при взрыве самолета. Кратковременное, в течение одного дня, наблюдение позволило выявить наличие любовной связи между Фредди и Роуз; из дознания стало известно, что они встречались на другой день после взрыва, унесшего жизни его жены и троих детей.

Си Ди допросил Роуз, осторожно расспрашивая ее в течение часа. Женщина рассказала все, что знала, не слишком лестно отозвавшись о своем любовнике, и добавила, что больше не поддерживает с ним отношений. Он был просто ни на что не годный лентяй. Куда он дел пятьдесят тысяч долларов страховки, полученной за жену? После долгого раздумья она вспомнила, что деньги пошли на веселое времяпрепровождение в Мексике, где он до этого не бывал, но куда очень хотел съездить.

– Сначала его приговорили к смерти, но потом, черт возьми, присяжные сжалились и заменили смерть пожизненным заключением. Очень забавно, что, когда мы его арестовывали, в доме у него все было заставлено моделями самолетов. Он обожал самолеты. Именно это стало третьим пунктом доказательства, что и решило исход дела.

Последнее замечание было гласом вопиющего в пустыне. Старик успел наскучить молодым коллегам. Си Ди знал, что это происходит постоянно. Они прикидывались, что хотят что-то знать, а потом им не хватало терпения и умения сосредоточиться.

Когда все разошлись отдохнуть до утра, Си Ди сделал вид, что разбирается с данными на Ламара, имеющимися в папках БРШО.

На самом же деле он засунул руку во внутренний карман плаща и извлек оттуда заветную бутылочку «харперовки». Пробка была не слишком туго завинчена. Непослушными пальцами он открыл бутылку. По-стариковски сгорбившись, сделал глоток. Жидкость огнем опалила его внутренности. Напиток отдавал жженым углем, ружейным дымом и сливами. Когда он хотел этого, алкоголь сваливал его с ног, затуманивал трезвое восприятие мира.

Бад, пытаясь уснуть, калачиком свернулся на сиденье. Шесть часов в сутки они сидели на посту, проверяя проезжающие машины, потом двенадцать часов гоняли по дорогам – это пустое времяпрепровождение какой-то идиот назвал «агрессивным патрулированием», а последние шесть часов отводились на сон. Из этих проклятых шести часов три уже прошли, и будь он проклят, если старый Си Ди не дрыхнет сейчас в управлении на койке в компании пары храпящих парней из БРШО. На улице, прямо как в кино, лаяли служебно-розыскные собаки. В углу стоял приемник-передатчик, в котором что-то постоянно хрипело и пищало.

Люди в помещении чистили оружие, которое до сих пор не стреляло. Короче говоря, сон не шел.

Но нельзя сказать, что Баду уж очень не повезло. Тед и он вели машину по очереди, хотя Бад, крутивший руль больше двадцати пяти лет, терпеть не мог, если его кто-то возил. Было ли это игрой его воображения или Тед таким образом подсознательно выражал двусмысленность своего положения? Во всяком случае, Бад очень беспокойно себя чувствовал, когда Тед жал на педаль газа. Если ты служишь в дорожной полиции, то ты просто обязан любить автомобиль: ты видишь, как смерть настигает водителей на дорогах, тебе придется догонять, возможно, стрелять и убивать, но в конечном итоге все упирается в мощный автомобиль. Ты должен просто благоговеть перед этой стервой на колесах, если же ты не любишь ее, то, значит, ты выбрал не ту работу.

Однако через три часа наступит его черед вести машину. Тайная частица его души жаждала удовольствия посидеть за рулем, но все же он искренне надеялся, что этих проклятых мерзавцев поймают, после того как пройдет восемнадцать часов его вахты.

Впрочем, все это на поверхности. Если говорить правду, то Бад испытывал очень глубокое чувство счастья, которому он сам не знал названия. Потому что именно сейчас, будучи временно оторванным от нормальной жизни, будучи вынужденным заниматься охотой за людьми, он чувствовал, что внутри его существа звенят и поют ликующие струны. Это была свобода или хотя бы иллюзия свободы. Свободы для «этого».

Он сам придумал это название: «это». Это было «это». В «этом» было все дело.

«Это» было реальностью, нарушением привычного порядка, привычного положения вещей. «Это» означало, что Джен, мальчики, немудрящие радости службы отошли на второй план перед сладостью незнакомых чувств, которые он испытывал, когда был вместе с Холли, когда он предвкушал все те наслаждения, что сулило общение с ней, все те места, где они должны побывать, все дороги, которые они еще пройдут.

Бад не был романтиком. Из журналов он читал только «Оружие и снаряжение» и «Автомобиль и водитель», его понятие о радостях жизни ограничивалось возможностью пойти на бейсбольный матч в школу, чтобы посмотреть, как будет играть Джефф, и в отпуске пострелять оленей из любимого охотничьего ружья. В кино он ходил раз в год, да и это казалось ему лишним. Телевизор он не смотрел: куда-то убрали его любимого ведущего и поставили на его место какого-то дурака, что очень разозлило Бада, он посчитал это крайне глупым и перестал смотреть ящик. В основном он ходил на службу, которую исполнял очень добросовестно, в остальном же предпочитал, чтобы его не трогали. Он очень любил побыть в одиночестве.

Потом это случилось, и началось какое-то сумасшествие. Три месяца назад он патрулировал сорок четвертую дорогу и около перекрестка присмотрел себе уютную закусочную под названием «Мэри». В маленьком городишке со странным названием Цемент. В закусочной подавали горячий кофе и хрустящие поджаристые печенья, которые Бад очень любил.

Однажды, сидя за столиком со своей обычной чашкой кофе, он услышал свое имя.

– Бад? Сержант Бад Пьюти?

Он оглянулся и увидел ее. Он вспомнил девушку. Когда Тед был на практике, его приставили к Баду, и в течение шести месяцев он проходил стажировку под руководством опытного сержанта. Когда Тед получил свою первую лычку, Бад и Джен пригласили молодую чету на барбекю, обмыть событие. Потом Тед стал служить самостоятельно, и пути их разошлись.

– Холли, привет, как дела? Как тебя занесло в такую дыру?

Сначала среагировала та часть его существа, о наличии которой он успел основательно подзабыть. Нельзя сказать, что Холли была красавицей, но в ней существовала какая-то тайна, которая, как это ни покажется странным, сильно влекла к себе и дразнила Бада. Конечно, сыграли роль ее молодость, мальчишески стройное тело, эти милые веснушки,

улыбка, но не только они; больше всего в ней привлекали какая-то таинственность и нечто заговорщическое. Она действительно оказалась первостатейной заговорщицей.

– Знаешь, Бад, по правде сказать, я приехала посмотреть на тебя.

– Тогда посиди пока, а я принесу тебе кофе. Ты когда-нибудь слышала, что есть такая вещь, которая называется «телефон»? С этой штукой очень просто управляться. Бросаешь в щелку десять центов и нажимаешь на несколько кнопок – и разговаривай с кем тебе угодно.

– Бад, спасибо тебе за совет, но знаешь, то, что я хочу сказать, – вещь сугубо личная.

– Это другое дело. Я надеюсь, правда, что это не какая-нибудь грустная песня, которые сотнями непрерывно крутят по радио? Ты не начнешь мне рассказывать, что Тед нашел себе какую-нибудь девочку или что-нибудь в этом роде? Я знаю, что выгляжу как Энн Лендерс, но на самом деле мне явно не хватает ее мудрости. Я мог бы тебе посоветовать: возьми пистолет, пойди и убей его. Не думаю, что Энн посоветует что-нибудь в таком роде.

Холли приветливо улыбнулась старине Баду.

– Бад, ты, наверное, любишь флиртовать и смешить девушек, да? В школе ты, я думаю, был хулиганом.

Он не был хулиганом. Он был большим неловким увальнем. Когда люди узнавали его ближе, они понимали, что он не настолько глуп, как выглядит со стороны. Он всегда стеснялся девушек и женился на первой же хорошенькой из них, которая обратила на него благосклонное внимание.

– Конечно был.

– Ну в общем, – сказала она, – ты не так уж далек от истины. Но я не думаю, что дело в женщине. Это что-то другое. С ним что-то происходит. Последнее время он меня просто не замечает. Может, с ним что-то случилось на службе, то, о чем я не знаю, но хочу узнать.

Это было правдой. Тед замкнулся в себе. Он сторонился товарищей и в свободное время предпочитал оставаться в одиночестве. Он перестал быть частью сообщества дорожных полицейских и их культуры – тренажерного зала, тира, радиоигр, гонок на автомобилях, а если человек выпадал из этого круга, то почти со стопроцентной гарантией ему было суждено застрять на всю жизнь в младших сержантах.

– Может, он что-то задумал?

– Он всем своим видом говорит это, когда ничего не говорит.

– Должно быть, вам несладко живется.

– Но Бад Пьюти не позволяет себе так распускать нюни.

– Старый Бад Пьюти уже прошел через все это, Холли. Оставь его на какое-то время в покое. Может, он просто не рожден быть полицейским. В этом нет ничего стыдного. Я клянусь тебе, на свете существует много всяких профессий, которыми вы с ним сможете гордиться. Наш хлеб очень тяжел, и я не раз проклинал себя за то, что избрал именно эту профессию.

– Ты говоришь прямо как Джон Уэйн³, но я не могу поверить в то, что ты сказал, хотя мне очень нравится, как ты пытаешься меня утешить.

Она рассмеялась, и Бад вдруг понял, что ему было бы очень легко любить ее. Иногда он жалел, что не смог тогда остановить то мгновение и оставить все как было в тот миг. Он с радостью запечатлел навеки этот эпизод в своем сердце: ее смех, радость, которую он ощущал, слыша его, ее красоту и осознание того, что он поступает по совести.

Через две недели после этого события он уже ни о ком, кроме нее, и думать не мог. Он позвонил ей под тем предлогом, что что-то придумал насчет Теда.

Вот тогда началось «это».

– Бад!

³ Уэйн Джон (1907–1979) – американский киноактер, снимался в вестернах и военных фильмах.

С соседней банкетки его окликнул Тед.

– Что тебе, Тед?

– Бад, я не могу уснуть. Пойду посижу в машине.

– Тед, тебе надо поспать.

– Но я не могу.

– Тед, прояви побольше характера. Тебя что-то тревожит?

– Я хочу тебе кое-что рассказать, Бад. Может, ты скажешь мне, что делать.

Бад смотрел, как Тед пробрался к выходу и исчез за дверью. Он постарался представить, что может чувствовать сейчас Тед. Может, ему так отвратительно, потому что он вынужден патрулировать в паре с человеком, который спит с его женой? Но сам-то он с ней не спал. С тех пор как Тед сбрендил, он стал спать отдельно. Бад не верил, что Холли способна на гадость, и некоторые вещи, о которых она рассказывала, вызывали у него тошноту. Тед по ночам в одиночестве смотрел по видеку грязную порнографию. Тед перестал обращать на нее как на женщину внимание. Он вообще как будто забыл о ее существовании и жил своей отдельной жизнью.

«Тед, друг мой, ты совершил глупейший промах. Я с радостью бы тебе помог, но я слишком заинтересованная сторона».

Они находились на развилке дорог, ведущих в Чикапей и Анадарко, где был потерян след братьев Пай и где предположительно их можно было встретить. (Правда, Бад не думал, что это произойдет: каким бы ни был Ламар, трудно представить, что он настолько глуп, чтобы остаться здесь.) Тед нарушил тяжелое молчание:

– Бад, мне надо тебе кое-что сказать, что у меня наболело.

– Ну, если наболело, то скажи, душе легче станет.

Лицо молодого полицейского исказилось от страдания.

Он мучительно подыскивал слова. Наконец он решился и начал:

– Ох, Бад... меня последнее время изнутри что-то сжирает. Это продолжается уже несколько месяцев. Я даже обращался к психиатру, к тому, который сидит в Департаменте общественного здравоохранения, там они принимают бесплатно государственных служащих, ну и нашего брата тоже. Но ты первый, кому я рассказываю все как есть.

– Это ты хорошо придумал. Рассказывай. А потом мы попробуем собрать все части воедино, может, что и получится.

– Дело вот в чем: у меня больше нет сил ходить на эту службу. Я выдохся.

Так вот в чем дело. На мгновение в машине повисла тишина. С обеих сторон дороги были бескрайние поля, на ветру поверхность их покрывалась рябью, как воды волшебной зеленой реки. На горизонте не было ни одной горы, поля пшеницы сменялись пастбищами и плантациями люцерны. Все это красиво, как на картинке, зеленело в лучах солнца. Скоро показался и Анадарко – заброшенный, безлюдный городок, окруженный живым поясом заводиков, производящих сыры для закусочных быстрого питания. Центр же города был пуст и мертв.

– Гнусная наша работа, Тед. Каждый из нас ощущает это, когда берет в руки оружие. Ты попадаешь в мир ненормальных: торговцы наркотиками в Талсе, трущобные банды со своими страшными отношениями, когда ты в любой момент можешь получить пулю в лоб. Я сам порой чувствую то же, что и ты, особенно в наше время, когда у каждого преступника в кармане пистолет.

– Нет, Бад, это не то. Ты о волнении во время дежурства. Об этом же говорят и психоаналитики. Но у меня другое, что-то более глубокое.

– Наверное, это так, раз ты говоришь, Тед. Но в нашем деле каждый ощущает на шее удавку.

– Около года назад я получил по радио позывные десять-семьдесят, радар подал сигнал, что на дороге что-то произошло. Около Новы – это в тридцати километрах от Оклахома-Сити. Было около трех часов утра. Вокруг ни одной живой души. До самого горизонта ни одного огонька. Я связался с диспетчером и выяснил, что на дороге убит человек. При нем не обнаружили никаких документов. И я, сам не знаю почему, испугался. Я вспомнил, что несколько лет назад в этом месте был убит полицейский, парень был, кажется, из Мэриленда. Он получил пулю в голову, и этого оказалось достаточно.

– Я помню этот случай, Тед. Я был на его похоронах.

– Тем не менее я увидел машину и остановил ее... В ней было четверо черных. В машине, можно сказать, просто воняло наркотиками. Они сидели в кепочках, в поношенных костюмах. За душой у них точно что-то было, они неплохо развлеклись в ту ночь, это точно, мне надо было сообщить всем постам, не сходя с места. Я потребовал у водителя права, и он их достал. Я кожей почувствовал, как в меня впились восемь глаз. И я посмотрел на них. Они тоже внимательно уставились на меня, дымя мне в лицо травкой. Я стоял перед ними один-одинешенек, и я подумал, что мне пришел конец. Я знал, что они уже передернули затворы в своих пушках. А теперь просто выжидали, глядя на меня, когда я спровоцирую их. Вот тогда я заметил первую пушку. Это была AP-15, такая же, как у меня, только с укороченным стволом. С заднего сиденья высунулся еще один. У него был долбаный «узи». На заднем сиденье сидел еще один тип и нянчил в руках что-то, я даже не знаю, как называется эта штука, что-то странное с лазерным прицелом, патроны размером с банан. И вот перед ними я со своим жалким шестизарядным «Смитом». Черт возьми, Бад, мой отец воевал во Вьетнаме, его отец воевал в Корее и с немцами во Второй мировой войне. По мужской линии Пепперы всегда служили в армии, и неплохо служили. Но мне в тот момент стало так плохо, что я чуть не упал в обморок. У меня нет мужества.

– Тед...

– Так вот, я вернул ему права. Извинился, что остановил их. И, стоя на дороге, наблюдал, как они уезжают. Они смеялись. Я слышал их хохот, пока они отъезжали. Я вернулся в джип. Я плакал. Я сидел в машине и плакал.

Тед сидел рядом с Бадом, лицо его выглядело каким-то помятым, в глазах была пустота. Он позволил этому чувству съесть себя заживо.

– Тед, брось, ты очень хороший молодой полицейский, – сказал наконец Бад. – Тебе должно быть стыдно, что ты так переживаешь по этому поводу. Иногда приходится и отступить. Эти мальчишки просто застали тебя врасплох. Да и был ли смысл дать им себя убить без всякой пользы для дела? Может, они уже давно перестреляли друг друга сами. Надо примириться с тем, что случилось, и дать себе клятву, что впредь будешь вести себя безупречно, чтобы не пришлось пасовать перед этой мразью, вот и весь фокус.

– Бад, тебе когда-нибудь приходилось ошибаться? Ты когда-нибудь чувствуешь себя виноватым? Думаю, что нет. Ты естественный тип человека, который проходит по жизни, не копаясь в своих чувствах. Боже, как бы я хотел быть похожим на тебя! Иногда мне кажется, что Холли хочет, чтоб я был таким, как ты. Твое имя она вспоминает постоянно: Бад то, Бад это. И иногда я тебя за это ненавижу.

– Тед, я...

– Какого черта, Бад. Это же не твоя вина. Хотя в какой-то степени ты виноват. Просто у тебя есть мужество, которого нет у меня.

– Слушай, Тед, правда состоит в том, что в своей жизни я не совершил ни одного настоящего мужественного поступка. Я не представляю себе, как поведу себя под пулями, и я надеюсь, что мне никогда не представится случай узнать это на практике. Это единственная вещь во мне, которой ты не знал, – сказал Бад.

«Всем постам и подразделениям! Всем патрулям!» – заработала междугородная сеть «Моторола».

Оба полицейских прислушались.

«БРШО только сейчас удалось обнаружить фургон, угнанный бежавшими из мест заключения братьями Пай и Пидом. Он был найден на стоянке фирмы „Гостиничная пекарня“. Фирма находится в Аде, где они оставались незамеченными в течение тридцати шести часов».

– Черт возьми, – выругался Бад.

«В кузове фургона найден труп. Он идентифицирован. Это Уиллард Джонс, двадцати четырех лет, проживавший в Аде. Мы полагаем, что надо искать „додж“ синего цвета под номером: лима-икс-рей-папа-пять-девять-семь», – проговорил диспетчер.

– Черт возьми, – повторил Бад, – ну и хитрая же бестия этот Ламар. Единственное место, где никто не стал искать фургон, – это его законная стоянка на родной фирме. Ну и молодец! Теперь-то уж он точно вырвался из нашего кольца. И никто ни черта не знает, куда он отправился.

Бада пробила дрожь. Ламар оказался умнее и оставил его в дураках. Это была отвратительная новость.

– Черт, – выругался Тед, – хорошо, что ты заставил меня надеть этот долбаный жилет.

Глава 05

Ричард знал, что он незаурядная личность. Он читал за троих. В школе он все время учился в классах для одаренных детей, получая там высшие баллы за успехи в успеваемости. Преподаватели, оценивавшие индекс его умственных способностей, открывали от удивления глаза. У него был редкостный талант: потрясающий, живой, почти сверхъестественный. Он был необычным ребенком, тонко чувствующим мальчиком, который производил неизгладимое впечатление на всех, кто с ним сталкивался.

Но как оказалось, по-настоящему незаурядной личностью был Ламар.

Оставьте Ричарда одного на улице – его убьют. Посадите Ричарда в тюрьму – его убьют и там. Он не выжил бы ни в России, ни в Древнем Риме, ни на Марсе, ни в экипаже военного корабля. А вот Ламар совершенно спокойно выжил бы во всех этих местах. Он процветал и в тюрьме, зная, как это делается. Ламар всегда знает все. Он всегда все продумывает и вычисляет. Дайте ему любую проблему, и он решит ее. Правда, он решит ее не так, как решило бы большинство нормальных людей: он расправится с проблемой так, что выгода достанется ему, а издержки – вам. Таков его моральный закон, и, раз приняв его, он не испытывал по этому поводу ни угрызений совести, ни сомнений. Он придерживался этого закона со страстью и прямолинейной убежденностью. Как это у Йитса? «Зло всегда исполнено страстного напряжения»? Да, именно так. В этом суть Ламара, коварного гения беспорядка, принца хаоса.

Эти мысли проносились в очень занятом разными мыслями мозгу Ричарда, пока он вел синий старенький «додж» Уилларда Джонса со всей троицей на борту к Ратлифф-Сити, где со своим семейством проживал мистер Билл Степфорд-старший, имеющий оружие, которое им следовало изъять у него любыми мыслимыми способами. Об этой части их экспедиции Ричард старался не думать. Эти несчастные люди были обречены на смерть. Ураган Ламар с помощником – страшным циклоном Оделлом – ворвется в их мирное жилище и сметет их с лица земли. Они сейчас сидели в своем фермерском доме, смотрели телевизор, пили персиковый «коблер», обсуждали наступающий охотничий сезон и судачили по поводу того, когда же наконец Оклахома добьется для себя права устраивать престижные спортивные соревнования. Они воевали в войнах и платили налоги, они в течение более чем шестидесяти лет возносили молитвы, любили друг друга и землю, которая кормила их. Но эти люди уже могли считать себя мертвыми, ибо им оставалось жить считанные часы. Его величество экзистенциализм подавлял Ричарда своим роковым могуществом.

В задней части машины спали Ламар и Оделл. Он слышал их дыхание – прерывистую рапсодию храпа. Иногда храп прерывался рыганием, временами братья пускали зловонные ветры (Оделл занимался этим, когда спал и когда бодрствовал, при этом он блаженно улыбался и говорил: «Оделл съелал вонялку»). Присутствие братьев вызывало не только ужас, они потрясали своей убогостью и банальностью. Они были настолько незрелыми, алчными, необразованными и жестокими, что казалось, никакое сознание не препятствует громкому голосу их фрейдовского ид⁴. Ричард выглянул в окно – кругом простирались бесконечные люцерновые поля Оклахомы. Сидение в злополучном фургоне было наконец позади. Он подавил рыдание и посмотрел в небо, усеянное звездами.

Ричард думал: «Я смогу сделать это. Я могу свернуть с дороги, бросить машину и бежать прочь. Со временем меня найдут полицейские. Я все им объясню. Объясню все: я

⁴ Ид (оно) – по Фрейдю, одна из трех психических структур (ид, эго и суперэго), управляющих личностью; совокупность врожденных биологических инстинктов и влечений.

скажу, что ни в чем не виноват, что меня заставили бежать силой. Ведь так на самом деле и произошло. У меня просто не было выбора».

Но Ричард знал, что это пустые иллюзии. Он имел не больше возможности бежать от Ламара, чем в открытом столкновении положить его на землю лицом вниз и убить. Ламар был вездесущ. Он догонит его и сломает ему шею своими здоровенными руками, бесстрастно глядя на него лишенными всякого выражения зачаровывающими глазами, а когда Ричард будет умирать от удушья и позвонки проткнут его легкие, Ламар будет, смеясь, насилловать его. Именно так покинет Ричард этот мир, если вздумает бежать.

Естественно, он этого не сделает. Он нервничал, как только начинал просто думать о подобном исходе дела. Если бы Ламар знал, о чем он сейчас думает, то убил бы его за такие мысли. Ламар был сейчас всемогущим божеством, он требовал такого же послушания, как жестокий Бог Ветхого Завета.

Он снова выглянул в окно.

– Это было бы очень легко сделать, да, Ричард? – раздался сзади мягкий голос Ламара.

От неожиданности Ричард подпрыгнул на месте.

– Ты так быстро пугаешься, Ричард. – Ламар беззвучно рассмеялся. – Тебе было бы нелегко на это решиться, правда?

– На что, Ламар?

– Ты же знаешь. Надуть нас. Бросить. Сбежать. Да признайся же. Ты думал об этом, я знаю.

– У меня не настолько отважная натура.

– Да, я видел это с самого начала. Но я все изменю. Клянусь тебе в этом, Ричард. Ты держись меня. Я не смогу сделать тебя богатым и вряд ли сделаю тебя свободным, но я сделаю тебя мужчиной. Ты веришь мне?

– Да, сэр, – ответил Ричард.

– Перестань называть меня «сэр», мой мальчик. Я ведь не полицейский. Я твой друг, Ричард. Твой единственный настоящий друг. Ты веришь мне?

– Да, Ламар.

– Ты не любишь убийство, правда?

– Не люблю.

– Сынок, это означает только одно: ты воспитывался не в таком месте, где росли Ламар и Оделл. Там, где рос Ламар, надо каждый день драться, иначе у тебя отнимут все, что у тебя есть. Мне это не слишком нравится, я не настолько негодяй, чтобы получать от убийства удовольствие. Но мужчина должен делать то, что он должен делать, чтобы сохранить свою семью. Ты понимаешь меня?

– Да.

– Это хорошо. Это очень хорошо.

Нет, все было как раз очень плохо, потому что в свете фар показался почтовый ящик, стоящий на обочине шоссе и отражающийся в гудроновом покрытии дороги. За почтовым ящиком простиралось пшеничное поле, начинающее уже желтеть. На почтовом ящике было написано одно простое слово: Степфорд.

– Ну вот мы и приехали на вечеринку, – сказал Ламар.

Ричарду выпало сыграть свою первую роль.

– Как только эта старая фермерша увидит меня, она сразу бросится к телефону и позвонит шерифу округа, не ниже. В моей морде есть что-то такое, чего почти все пугаются. А ты, Ричард, совсем другой, на тебе нет татуировок, у тебя тело как у девушки, видно, что ты и мухи не обидишь. Поэтому в дверь будешь стучать ты. Когда войдешь –пустишь нас, а потом твоя задача – сделать так, чтобы старик не успел схватиться за оружие.

Они проехали половину дороги, ведущей к ферме, и остановились. Ричарду был хорошо виден дом, свет в его окнах. Дом стоял посреди скотного двора, рядом с домом высился то ли амбар, то ли коровник. Все вместе очень смахивало на рождественскую открытку. Ричард предпочел бы видеть здесь нищету, хоть какие-нибудь признаки сельского декаданса, это позволило бы ему оправдать то, что задумал Ламар. Но, увы, нищеты не было. Все выглядело очень красивым и богатым, в облике двора и дома была какая-то продуманная небрежность. Ферма была очень похожа на потемкинскую деревню.

Оделл отстал. Он должен был появиться в арьергарде у Ламара, замыкая колонну атакующих. Было около десяти часов вечера. Почему это старики не ложатся спать, ведь уже так поздно.

– Т-ты не убьешь их, если в этом не будет нужды? – спросил Ричард.

– Клянусь тебе, что нет, – сказал Ламар. – Я не такой подонок. Но ты понимаешь, нам нужно его оружие. Представь себе, что нас догонят легавые. Что нам делать? Возвращаться в тюрьму? Чтобы ниггеры нас прикончили? Они прикончат и тебя. И даже Оделла. Ну уж нет, мы не можем допустить, чтобы это произошло.

– Хорошо, ты меня убедил.

– Положись на меня, – заверил его Ламар.

Фигура Ламара растворилась в темноте. Ричард стоял один среди ночной тьмы, тяжело дыша и слыша, как в кронах деревьев завывает ветер и как то тут, то там раздаются пронзительный крик какого-нибудь маленького животного, происходит какая-то возня. Среди ночи мелкие твари тоже дрались и умирали за право жить. Ночь была безлунна; небо, как пшеничное поле колосьями, было усеяно звездами. Они падали с неба, как огненный дождь, и мерцали, как мелкие, размером с булавочную головку, вспышки древнего огня. Ричарду захотелось помочиться, но он не смел ослушаться Ламара. Он сосчитал в уме до трехсот и пошел к дому Степфордов.

Приблизившись к дому, он увидел старика, который сидел в кабинете, окруженный чучелами убитых им животных; у стены Ричард увидел стеклянную пирамиду с оружием. Нигде не было видно пожилой женщины, но в окне второго этажа голубым светом отражался от потолка экран телевизора.

Ричард помолился, чтобы в доме не оказалось внуков или других гостящих родственников.

Он постучал в дверь. «Может, они окажутся умнее, чем мы рассчитываем, – подумал Ричард. – Кто же открывает дверь незнакомым людям темной ночью в наше беспокойное время? Может быть, они догадаются вызвать шерифа или возьмутся за ружья и выгонят вон незваных гостей». Он постучал еще раз, молясь о том, чтобы ничего не произошло.

Дверь широко распахнулась.

– О, привет, – сказала пожилая женщина.

– Э-э, привет. Видите ли, я учитель рисования из Оклахома-Сити, у меня сломалась машина, я бросил ее на дороге недалеко от вашего дома. Может, вы позвоните в ремонт автомобилей? Я подожду у двери и не стану заходить.

– И будете торчать тут на холоде? Да вы что, я даже слушать это не хочу. А ну, заходите в дом. Тоже придумал глупость – он подождет. Как бы не так. Входите, обогрейтесь, а пока разберетесь с ремонтом вашей телеги, может, и кофе выпьете?

В открытую дверь неслышно, как кошка, проскользнул Ламар. Его огромное тело, казалось, поглотило пожилую женщину. Он зажал ей рот, она не успела даже вскрикнуть. Ламар приставил лезвие к ее горлу, и Ричард отчетливо увидел, как блестящая сталь вдавилась в белую, дряблую старческую кожу. Она судорожно всхлипнула, ее полные отчаяния глаза встретились с глазами Ричарда. Во взгляде старухи, в ее широко открытых от ужаса глазах была мольба о пощаде. Ричард вздрогнул и отвернулся.

Дом сотрясся от двух громовых ударов, и Оделл, по какой-то неведомой и причудливой прихоти снявший рубашку, с мокрыми, откинутыми назад рыжими патлами вломился в прихожую с топором в руках. Он остановился, посмотрел на потолок, завыл, как воют, глядя в небо, волки, и Ричард, придавленный к полу странным обаянием происходящего, со сладким ужасом наблюдал, как из груди охваченного восторженным экстазом Оделла рвется этот страшный крик. Все тело громадного ребенка содрогалось в каком-то диком экстазе. Все демоны его души оказались на свободе, и он носился по комнатам в сумасшедшем танце. Оделл ворвался в кабинет, где старик, взглянув на него, впал в странное оцепенение, а затем съезжился, словно ожидая удара от этого полуобнаженного огромного мужика с топором.

– Оружие, Ричард, – скомандовал Ламар.

Ричард кинулся к пирамиде. Его остановила стеклянная дверца. Внутри, сверкая, лежало бездействующее до поры сокровище. Ричард разглядел желтые и зеленые коробки с патронами, аккуратно сложенные в углу шкафчика. Он подергал за ручку, но пирамида оказалась запертой. Это его озадачило, но недоумение улетучилось, как только стекло взорвалось перед ним дождем осколков: Оделл изо всех сил шарахнул по пирамиде топором.

– Откыл, – сказал Оделл, еще раз со всей своей исполинской силой взмахнув топором.

Ричард отпрянул. Следующий удар снес дверцу с петель, и Оделл жадно схватил со стойки длинноствольное ружье и коробку с патронами и начал лихорадочно вставлять в ствол красные гильзы. Хорошо смазанный ствол щелкнул с каким-то маслянистым звуком, когда Оделл выпрямил ствол и передернул затвор.

– Уки вейх! – приказал он.

Но старик не подчинился. Он сидел на месте, его тело сотрясала крупная дрожь. Он был буквально сражен шоком от сознания того, что какие-то несколько мгновений полностью искорежили его жизнь.

Ламар опрокинул старуху на пол и подошел к пирамиде посмотреть на добычу.

– О черт, – процедил он сквозь зубы. – Это же дробовики! Дробовики! У тебя есть пистолеты? Едрена мать, да что с тобой творится, старый говнюк?

В остервенении он пнул ногой пирамиду. Потом, остыв, взял со стойки ружье, зарядил его и, подняв стволом кверху, выстрелил.

Раздался оглушительный, ужасный грохот.

Ричард никогда не слышал, как вблизи стреляют из огнестрельного оружия. Гром выстрела больно ударил его по ушам. Боже, как громко! С потолка на Ламара, улыбавшегося от сознания своей очередной победы, дождем посыпалась штукатурка. Оделл весело кружил по комнате, время от времени круша топором предметы обстановки. Оба старика, прижавшись друг к другу, сидели на диване. Женщина плакала на плече своего старого мужа.

В этот момент Ламар обернулся к ним:

– Я-то думал, что ты охотник, а ты, оказывается, просто старый мудака. Ты! Я с тобой говорю. Ты что, хочешь, чтобы я выдрал кишки из твоей старой сучки? Отвечай мне, козел!

Старик сверкнул на него глазами:

– Я перестал охотиться на оленей в прошлом году и продал все свои ружья центрального боя. Я...

– Что – ты?

– Я убил больше сотни оленей, двух сохатых, трех медведей и американского лося. Я решил, что с меня хватит крови.

– Слушай, ты, вонючка! Мне нужны ружья центрального боя! Автоматическая винтовка! «Беретта»! Кольт! «Магнум»! Ты, старая крыса, я не стану сам мараться о твою тощую задницу, я отдам ее Ричарду. Ричард, если он не скажет, где его пистолеты, трахни его в задницу. Ты меня слышишь? Трахни его в жопу, а потом трахни в задницу его бабку.

– Скажи ему, Билл, – взмолилась женщина.

– Я не могу, – ответил старик.

– Скажи ему, Билл, – повторила женщина.

– Если я это сделаю, он возьмет их и станет дальше убивать людей. Нас он убьет в любом случае. Мы уже покойники. Все остальное не имеет значения. – Он повернулся к Ламару: – Ты знаешь, в сорок четвертом году много молодых блондинов старались убить меня. Они летали в самолетах, которые назывались «мессершмиттами». Но я бомбил их заводы, убивал их жен и детей, рушил всю их мерзкую страну. Так вот, ты такой же, как они, ты из них, тюремный подонок. Давай, действуй. Трахни меня и мою старую жену. Ты можешь замучить нас до смерти, но запугать меня у тебя не выйдет.

Впервые в жизни Ламар почувствовал себя неуверенно.

– Ричард? Слышишь, что он сказал? Герой недоделанный. Оделл?

– Это братья Пай, – обратился старик к жене. – Редкостные мерзавцы, отбросы. Здоровое общество должно было бы их казнить много лет назад. Так что катись ко всем чертям, Ламар Пай, и ты, простачок, да и ты, маленький гомосек.

– Я не гомосек, – сказал Ричард.

Старик плюнул в Ричарда.

Ричард мгновение разглядывал плевок на своей рубашке. Потом взглянул на старика. Это был один из тех старомодных худощавых типов: кости, обтянутые кожей, голубые глаза горят яростью. Это был один из тех, кто привык вставать в четыре часа утра и целый день задавать чертей всем домашним. Вероятно, в банке на его счету лежал миллион долларов и он свято верил, что сможет унести их с собой на небо. Видимо, его дети втайне ненавидели его, так же как Ричард втайне ненавидел своего отца. Но так же, как Ричард, его дети никогда не осмеливались открыто выразить свое недовольство.

– И ты собираешься простить ему это? – спросил Ламар.

«Почему он так сделал?» – подумал Ричард.

– Ты не должен спустить ему это. Старику, у которого есть пара дробовиков и который воображает себя героем. Сломай его, мальчик.

– Он боится, – произнес старик. – Я носом чую, как он дрейфит. У него в подштанниках уже полно вонючего дерьма. Такое постоянно случалось у нас в восьмой воздушной армии. Такие, как он, никогда не делали больше двадцати пяти вылетов. Их сбивали. Твои подштанники в говне, правда?

Ричард проглотил слюну. Да, если признаться честно, то он действительно успел надевать в штаны. Он и сам не понял, когда это случилось. Он снова сглотнул, думая, как ему объяснить этот факт. Не найдя ответа, он пнул старика по ноге.

– Так его, Ричард. Покажи ему. Будь мужчиной, Ричард! – крикнул Ламар.

Все кругом обожают болтать и произносить красивые слова, это Ламар хорошо знал. Это правило. Но у старика было больше мужества, чем у среднего человека, и Ричарду не хватало сил выбить это мужество из старого фермера, хотя он уже довольно долго бил ногами скрюченное тело, лежавшее на полу перед плачущей женщиной.

– Хватит, Ричард, – сказал наконец Ламар.

Он сказал это не потому, что почувствовал жалость или уважение к старику, этому упрямому и твердолобому остолопу. Просто он был недоволен Ричардом. Лицо парня побабьи сморщилось, в его ударах не было должной силы.

Ричард поднял на Ламара искаженное лицо. Но это была не ярость, а лишь ужасное возбуждение. «Дерьмо, – подумал Ламар. – Он выглядит так, словно ему в задницу насыпали соли».

– Оделл! – скомандовал Ламар.

Оделл перевернул старика на спину и резким винтообразным движением вывернул ему руку. Старик дико закричал от боли. Ламар отправился на поиски спиртного. Может быть, эти люди были христианскими водохлебами и не пили ничего, кроме чая? Он слышал о таких, но не мог себе представить, что подобное может существовать в действительности. Крики старого фермера раздражали его.

Он забрел в кладовку. Наверное, все порядочные люди хранят выпивку в кладовках? Ламар огляделся. Ему никогда не приходилось бывать в таких домах. Ему стало интересно, каково здесь жить. На стенах – фотографии многочисленных детей. Он пригляделся повнимательнее: ему эти дети показались пришельцами с Марса или еще откуда-нибудь издалека. Должно быть, все эти дети, симпатичные женщины и красивые парни – дочери и сыновья старика, или кем там еще они ему приходится? Интересно, как ведут себя с мужчинами такие женщины? Они были совсем не похожи на сучек из «Пентхауса» с их круглыми сиськами и гладкой кожей. Кожа женщин на фотографиях выглядела шероховатой, но, может, это оттого, что их снимали вечером. Однако эти женщины выглядели очень естественно, они были настоящими, сладостными и нежными. Он представил себе страх в их глазах, если бы он захотел их трахнуть. Ламар не нюхал женщины уже почти десять лет. Он уже почти забыл, как они выглядят. Даже сейчас он был не уверен, успеет ли он переспать с бабой, прежде чем его возьмут копы.

Наконец он нашел то, что искал. Коричневые бутылки рядами стояли в запертом шкафчике. Ламар сломал замок и открыл дверцу. Хороший был замочек. Так, посмотрим. «Джек Дэниелс», выдержанное, номер семь. Питьевое виски из Теннесси. Лучшего и желать не надо. Он отвернул пробку и сделал глоток. Черт возьми. Как жидкий дым. Жжет внутренности и выжимает из глаз слезы. Только это волшебное зелье может выдавить слезы из глаз Ламара Пая. Он сделал еще один глоток и поставил бутылку на место. Только бы до этого шкафчика не добрался Оделл. С ним трезвым-то нелегко управиться, а когда он выпьет, то становится похожим на ходячую смерть. Если сюда пожалуют копы, то не хотелось бы, чтобы Оделл напился пьяным, ведь в схватке с законом, бог свидетель, на этого сосунка Ричарда рассчитывать не приходится.

Ламар зашел в комнату, где стоял телевизор. Шли новости. Некрасивая молодая женщина с охапкой ребятишек на руках редела в камеру, а толпящиеся вокруг нее хорошенькие девочки-репортеры смотрели, как она истекает слезами. Женщина рыдала по своему бедному мужу Уилларду и рассказывала, каким хорошим человеком он был. Ламар понял, что она рассказывает о том самом Уилларде, водителе фургона.

«Черт тебя подери, Уиллард, – подумал Ламар. – На какой же уродине ты женился!» Потом он подумал, что с удовольствием трахнул бы и эту страшную бабу. Он хотел просто кого-нибудь трахнуть, неважно кого. Может, чуть позже он трахнет старика.

Потом на экране появилось изображение его персоны, кто-то рассказывал о нем, говоря, что власти считают беглецов вооруженными и очень опасными. Как они только умудряются произносить такие слова без запинки?

На экране появились кадры девятилетней давности, когда его арестовал отряд полицейских из отдела убийств полиции Оклахома-Сити. Это было, когда они с Оделлом пришли Никки Пузатери по заказу «Язычников». Дурацкая вышла история. Кому расскажешь – не поверят. Они выстрелили этому маленькому упрямцу в затылок. Они же видели, что кровь хлестала из него, как томатный сок. Потом они выстрелили ему в спину, завернули в большую тряпку, отвезли за тридцать километров и бросили у дороги. И после этого он еще какое-то время жил?

Однако он действительно еще пожил и успел назвать его копам, и они взяли Ламара, окаменевшего от амфетамина, у бабы, которую звали Салли Две Калоши. Это была индейская девка, которая иногда подрабатывала проституцией, а иногда вместе с ним грабила

мелочные лавки. Девчонка, хотя об этом никто не знал, в свое время утопила в сортире своего пьяного папашу. Тот принуждал ее к сожительству с десятилетнего возраста. В четырнадцать лет она его убила. Ну так вот, копы потащили Ламара в каталажку в центре Оклахома-Сити. По дороге его снимали. Он увидел на экране знакомое лицо одного из полицейских. Помнится, тогда от него здорово несло чесноком. Ламар успел еще раз посмотреть на экран, до того как картинка исчезла: он был одет в рубашку для гольфа, единственное, что у него было. На кармашке нарисован маленький крокодил. В этой майке он похож на девочку. Почему он купил себе именно такую рубашку? Нос расплюсчен, глаза тусклые и бессмысленные (он тогда был под кайфом), нижняя губа отвисла, вся морда какая-то размазанная. Надо же было так нажраться таблеток! Волосы он тогда носил длинные, но они аккуратно были собраны в хвост. Выглядел он в тот момент как абсолютный дурак. В последние мгновения на свободе.

Потом на экране появилась женщина из Армии спасения. Она была красоткой, похожей на дочерей старого фермера и репортерш, говоривших с вдовой Уилларда. Ему захотелось трахнуть и ее. Женщина низким и тревожным голосом говорила о том, насколько опасны эти люди и как следует избегать встречи с ними до тех пор, пока полиции не удастся их поймать. Она рассказывала об ужасных непристойностях, которые были вытатуированы на кулаках Ламара, о том, что злодеи уже убили трех человек. У нее было вытянутое и мрачное лицо.

Страх в ее голосе приятно щекотал нервы Ламара. Он очень любил это ощущение. Он знал, что устрашающе действует на людей с улицы, на этих средних американцев. Глядя в его глаза, они уже испытывали боль и ужас. Это случалось, когда ему заглядывали в глаза, но они редко это делали, и им редко это удавалось, даже если их было много. Надпись «Твою мать!» на костяшках пальцев остужала пыл самых любопытных.

– Ламар!

Это был голос Ричарда.

– Что?

– Мы их нашли. Там целый арсенал. Старуха сказала код замка.

– Как старик?

– Что-то он неважно дышит.

– У него была возможность облегчить себе жизнь. Да и нам было бы хлопот меньше.

Посмотри, как он там. Если он по-прежнему не понимает шуток, трахни его.

Они спустились на первый этаж, а оттуда в подвал. В стене подвала была ниша высотой около полутора метров. Дверца, прикрывавшая ее, открылась, и стали видны полки, на которых лежали все известные человечеству виды легкого стрелкового оружия.

– Пятьдесят шесть, тридцать три, ноль-восемь, – гордо сказал Ричард. – Я сам его открыл.

Из уважения к Ламару даже Оделл не стал рыться в арсенале. Ламар наклонился и потрогал ружья и пистолеты – их было великое множество.

– Зажгите свет, – приказал он.

Свет зажгли.

Ламар придирчиво осматривал оружие, пока наконец не нашел то, что ему было нужно. Да, хозяин, видимо, был заядлым стрелком из пистолета, и Ламар быстро отыскал для себя стоящую пушку. Это был автоматический револьвер сорок пятого калибра с длинным, около двадцати сантиметров, стволом. Ламар осмотрел револьвер, чтобы убедиться, что это кольт. Да, это был кольт, но под фирменным знаком «КОЛЬТ» стояла надпись: «Оружейный завод Кларка, Новая Иберия, Луизиана».

– Это револьвер «бычий глаз»? – спросил Ламар.

– Иди ко всем чертям, – ответил старик, лежавший на полу с распухшим лицом.

– Они меня точно дождутся, я это и без тебя знаю, но все же это «бычий глаз»?

– Билл был чемпионом штата по стрельбе из пистолета, по стендовой стрельбе и по беглому огню. Это было в семидесятые годы, – пояснила женщина.

– Я бы хотел посмотреть, как он стреляет, – заметил Ламар, – но этого не случится.

Он снова наклонился и достал из ниши еще кое-что: это был мощный револьвер, кольт 0,367 «магнум» с десятисантиметровым стволом, такие стволы называют питонами. Он вручил оружие Ричарду.

– Вот, держи, – сказал он. – Теперь ты мужчина.

Потом он повернулся к пожилой леди:

– Я могу спорить, что вы прекрасно готовите. Почему бы вам не накормить нас настоящим деревенским завтраком? Яйца, бекон, сок и еще что-нибудь этакое. Я и мои друзья голодны как черти, бабуля.

– Не давай им ничего, – приказал ей старик.

– Вы же собираетесь убить нас, – сказала старая женщина.

– Да, мэм, может, мне придется это сделать, но не потому, что вы мне не нравитесь, просто так складываются обстоятельства. Но давайте мы сперва поедим, ладно?

– Это можно, – согласилась старая леди.

– Мэри, ты набитая дура, – проворчал старик.

– Ну что ты кипяتيشся, Билл, – сказал Ламар. – Мэри просто хочет показать, что она хорошая хозяйка.

Глава 06

«Должно быть, я изрядный подонок», – думал Бад, удивляясь головокружительной скорости своего падения и предательства. Это оказалось так легко и просто. Ложь вьелась в его плоть и кровь, стала привычкой, второй натурой. Он мог позвонить Джен и обмануть ее двумя-тремя короткими отрывистыми фразами. Подсознательно он чувствовал, что чем меньше он будет общаться с Джен и чем больше будет грубить ей, тем меньше будет мучить его совесть. После этого он звонил Холли, и на этот раз его разговор отличался нежностью, голос излучал доброту. Перемена совершалась в нем очень быстро и естественно. Это делало его больным, он очень переживал, но ничего не мог с собой поделать.

Сейчас Бад стоял у телефона-автомата в закусочной Джима Дайнера в Ратлифф-Сити, на семьдесят шестой дороге, ведущей из Оклахомы к Далласу. Место было довольно пустынное: закусочная, маленький магазинчик и прачечная-автомат. Заведение славилось красными перчиками чили, но сейчас было раннее утро, и перчиков еще не подавали. Часы показывали десять часов утра, они патрулировали с шести; четыре часа они провели за рулем и изрядно устали. Их патрульная машина была малой частью всеобщего движения, которое имело целью попытаться перехватить... А кого, собственно, они собирались перехватывать? Заключенных? Об этих парнях ничего не было слышно с самого момента обнаружения фургона с трупом, а произошло это уже тридцать шесть часов назад.

Телефон позвонил дважды, потом Джен подняла трубку.

– Привет, как твои дела? Спасибо за форму.

Джен, вечно занятая обслуживанием других, привезла в Чикапей в управление пять форменных рубашек в пластиковом пакете, смену белья и носки. За время отсутствия Бад порядком обносился.

– Ну, у нас-то все хорошо, – ответила она. – У нас все в порядке. А как ты?

В этом голосе была вся Джен: отстраненная, соблюдающая дистанцию, скрыто чем-то недовольная, однако это недовольство было практически невозможно потрогать пальцами, его можно было почувствовать, но невозможно ухватить.

– Со мной все нормально. Ты знаешь, тут такая суета, творится бог знает что, но никто не имеет ни малейшего представления, куда делись эти ребята. Кажется, дорожные посты будут свертывать, а патрули отзывать, может быть, уже завтра. Решили, что здесь мы их все равно не найдем.

– Как это ужасно, то, что они сделали с этим парнем из фургона, – сказала Джен.

– Правда, это страшно. Они просто выродки. Ну да ладно. Как дети?

– Рассу в колледже выставили оценки. Знаешь, он у нас просто отличник. Мы можем им гордиться.

– Да, парень весь в тебя. Как дела у Джеффа?

– О, с ним тоже все отлично. У них был матч, но, правда, он не попал в основной состав, хотя это почему-то не очень испортило ему настроение. После игры мальчики пошли в пиццерию, и сейчас он там с ними.

– Как я хотел посмотреть эту игру! Проклятая служба. Теперь придется ждать целый год, но тогда уж я наверняка поеду с ним.

– Ох, Бад...

– В чем дело? – спросил он, поглядывая на часы.

– Ты был в пятницу около Форта?

В мозгу прозвучал тихий сигнал опасности. Пятница, да? Он был с Холли. Они провели пару часов в комнате мотеля. Этот мотель называется «Вигвам» и находится у четвертых ворот Форта. Обычно там останавливаются приезжающие в гости к солдатам родственники.

Мотель держал отставной полицейский, который позволял Бад бесплатно пользоваться комнатой в дневное время.

Бад удивился, как больно ударил его вопрос жены. Раньше у него не возникало никаких проблем. Он оглянулся и посмотрел на беднягу Теда. Тот сидел за столиком перед нетронутой тарелкой с яичницей и наполовину отпитым стаканом кока-колы и разговаривал с официанткой.

– Нет-нет, я там точно не был, – соврал он, стараясь придать своему голосу невинность, что, впрочем, ему не удалось.

– Мардж Сойер клянется, что видела, как ты выезжал со стоянки у Форта. Она посылала тебе, но ты не обратил на это внимания. Я почему тебе об этом говорю. Дело в том, что она попросила узнать у тебя, если ты хорошо знаешь это место, не можешь ли ты порекомендовать дешевый мотель, потому что номера в «Холидей-инн» стоят очень дорого, а сестра Мардж...

– Нет, Джен, это был не я, к тому же я совершенно не знаю район Форт-Силл, – рявкнул Бад, чувствуя, как ложь неловко ворочается у него во рту. – Слушай, ладно, мне пора возвращаться на дорогу. Вечером, если смогу, я тебе позвоню.

– Я в этом не сомневаюсь.

Бад повесил трубку. Он поступил нехорошо и злился на себя за это; было ясное, погожее утро, но Бад с удивлением обнаружил, что дышится ему тяжело. Кто такая эта Мардж Сойер? Что она видела? Он в тот день был в форме, она ни с кем не могла его спутать. Вот черт! Влипнуть так по-дурацки. Может, надо на время прекратить встречи или придумать еще что-нибудь...

Он бросил в щель еще одну монету и набрал номер. Она сразу взяла трубку.

– О, Бад, ты так давно не звонил! Ты же обещал позвонить вчера.

Такие замечания и в хорошие времена всегда раздражали Бада, а в том настроении, в каком он сейчас находился, такой вопрос его разозлил. Иногда это становилось слишком тяжелым грузом, и тогда на один-два вечера ему требовалась передышка. Надо было постоянно запоминать массу разных вещей: почему задержался, что произошло, какой дорогой он ехал домой. Короче, ему приходилось играть роль, которую всегда приходится играть человеку, решившемуся на обман. Это изматывало его.

– Я никак не мог оторваться от Теда. Они постоянно заставляют нас патрулировать дороги, я вырвался на одну секунду.

– Ладно, как ты там? – решила поинтересоваться Холли.

– Здесь не так уж много хлопот, но масса скучной суеты, скажу я тебе. Думаю, что скоро нас отзовут. Кажется, у начальства ничего не получается с поимкой.

– Бад, ты говоришь таким раздраженным голосом.

– Я просто устал, Холли.

– Я по тебе очень соскучилась.

– И я соскучился по тебе, моя радость.

– Мы увидимся в тот день, когда вас распустят по домам?

– Ну, я, конечно, постараюсь с тобой увидеться, – заверил он, смутно чувствуя, что попадает в ловушку. – Я не знаю точно, смогу ли я. Я тут пропустил один матч, в котором играл мой сын, и хочу пойти на следующий, если, конечно, он будет играть в основном составе.

– Хорошо, – ответила она, но в тоне ее не было ничего хорошего.

– Я действительно соскучился по тебе.

– Я знаю, что ты действительно соскучился.

– Скоро мы с тобой обо всем поговорим.

Он повесил трубку, чувствуя необъяснимую злость. Он только что пообещал ей, что после окончания патрулирования, в первый же день, встретится с ней. Прекрасно. Он будет страшно усталым, и как быть с Тедом, если и его отпустят в тот же день? Это был полный кавардак. Иногда Бад попросту вставал в тупик. Он не понимал, как ему жить дальше.

Посокрушавшись несколько секунд, он вернулся в закусную и сел рядом с Тедом.

– Ну как она? – спросил Тед.

– Хорошо. Очень хорошо. Ты не звонил Холли?

– Ну, у Холли-то все отлично, я в этом не сомневаюсь, – сказал Тед. – Ладно, чего сидеть, давай двигать, а?

Бад посмотрел на часы: десять пятнадцать. Да, самое время возвращаться на дорогу. Он не любил так надолго выпадать из радиоконтакта. Он и не заметил, что они были вне связи почти десять минут. Бад торопливо проглотил остатки остывшего кофе и встал, чтобы расплатиться. Это было необязательно, но Бад знал, что стоит только поддасться соблазну и перестать платить за еду в закусных – а это было очень легко сделать, – как люди тут же перестанут тебя уважать. Он дал официантке доллар, не первый раз подсадовав на то, что Тед никогда, даже на словах, не пытался платить за еду.

– Да, Бад, – сказал Тед. – Чуть не забыл. Тут одна девушка хотела тебя о чем-то спросить.

Бад обернулся к официантке, женщине средних лет со значком, на котором было написано ее имя – Рут; она была ему смутно знакома, так как Баду не раз приходилось обедать в этом заведении, но он никогда не пытался познакомиться с ней поближе, как он это иногда делал в других местах.

– Что случилось, Рут? – спросил он.

– Сержант, я хотела сказать вам о старом Билле Степфорде. Каждое утро в девять часов вот уже в течение десяти лет он пьет у нас кофе. А сегодня его нет. Я очень волнуюсь, не случилось ли с ним чего.

– Я посоветовал ей обратиться к шерифу округа Мюррей, – вмешался в разговор Тед.

– Я бывала там, они все только разыгрывают из себя героев, но с тех пор как из Мак-Алестера сбежали заключенные, они из своего управления носа не высунули.

– А вы не пробовали позвонить этому фермеру? – спросил Бад.

– Да, сэр, пробовала. Но линия все время занята. Я звонила четыре раза, и все время было занято.

– Может быть, он с кем-то разговаривает?

– Все может быть. Но я знаю мистера Степфорда. Он не особенно разговорчив.

– А его жена?

– Его жена прекрасная женщина, но и она вряд ли будет полчаса висеть на телефоне.

– Но это похоже на то, что они просто плохо положили трубку, – заметил на это Бад.

– Билл Степфорд ездит к нам десять лет, не пропуская ни одного дня. Однажды он приехал к нам, преодолевая сугробы на своем «лендровере», когда был страшный снегопад. Он очень любит наш кофе.

Бад обдумывал положение.

– Где он живет?

– В десяти километрах отсюда по этой дороге. Потом надо свернуть налево, на дорогу округа номер шесть – семьдесят девять. Проедете полтора километра и увидите почтовый ящик. Может быть, он упал или ему стало плохо и он не может подойти к телефону. Все же это нехорошо, когда люди живут так изолированно друг от друга. Они не должны так жить.

– Ну ладно, – решил Бад, – я сейчас позвоню в диспетчерскую. Если мы им не нужны, то, пожалуй, мы завернем к Степфорду.

Ламар разрешил Ричарду первому принять душ и лечь поспать, ведь Ричард вел машину, когда Ламар с Оделлом спали. Ричард погрузился в благодатное, без сновидений, забытье. Но когда Ламар растолкал его около девяти часов, то выяснилось, что ничего не изменилось: он по-прежнему находится в спальне Степфордов, и он по-прежнему сбежавший из заключения арестант, связавшийся с двумя убийцами.

Ричард натянул на себя рабочие джинсы и голубую рубашку Билла Степфорда и начал заниматься сразу двумя вещами, которые поручил ему Ламар. Он должен был сидеть у окна спальни на втором этаже и держать под наблюдением дорогу, но это было не главное для него занятие. Главное – он должен был рисовать львов.

– Да, Ламар, но что будет с нами дальше? Как я смогу это делать после всего того, что здесь произошло?

– Сможешь. Я хочу, чтобы ты это делал, я хочу, чтобы ты сделал это как можно лучше, чтобы мы могли перейти к следующему шагу.

«К какому еще следующему шагу?»

Он сидел за столом, внося бесконечные поправки в уже много раз исправленный рисунок. Первоначальная картина покрылась густой паутиной линий и черт, превративших рисунок в размытую серую кляксу. Интересно, что Ламар хотел разглядеть в этом хитросплетении линий, с чего следовало начать? Ричард понимал, что произведение невыносимо банально, что все это отражение фантазий первобытных арийских предков из эпохи гиперборейцев⁵.

Картина соответствовала той стадии развития интеллекта, на которой застрял Ламар, но с настоящим искусством она не имела ничего общего. Женщина, лев, замок! Порождение необузданной дикой фантазии люмпен-пролетария, вся жизнь которого проходит в угнанных фургонах; фантазия таких людей питается чтением дешевых комиксов и просмотром жестоких, кровавых и скучных фильмов. Эта фантазия была буйной, грубой, лишенной тонкостей и оттенков.

Однако именно она спасла ему жизнь. Это Ричард отчетливо понимал: ему удалось смирить ярость Ламара и направить ее в другое русло, заставить Ламара понять, что в жизни существует не только закон поедания слабого сильным. Кроме того, был сам процесс создания рисунка. В нем, конечно, присутствовало что-то дикое и необузданно свободное, отвечающее сути Ламара, но эта-то суть и не давалась Ричарду как художнику, как ни пытался он ухватить ее, то работая с образами львов, то переходя к орлам и тиграм. Когда он начинал об этом думать, страх и сомнения проходили; такая работа не терпит халтуры, ее нельзя делать спустя рукава. Все дело заключалось в переключении работы сознания с левого полушария мозга на правое. Ламар это понимал, он предоставил Ричарду для работы, можно сказать, отдельный кабинет и дал ему немного времени. Но теперь Ламар настаивал на хорошем результате.

К счастью, у фермера в доме нашлось достаточное количество бумаги и карандаши. Вооружившись карандашом, Ричард в задумчивости сидел у окна, временами выглядывая наружу и стараясь представить себе саванну, по которой бродили разительно похожие друг на друга мужчины и львы, но где женщина тем не менее оставалась женщиной. Единственным законом, который правил в такой саванне, были клыки и мощные лапы, и самым сильным существом в ней являлся Ламар, Ламар Лев, не просто убийца, а пронизательный и умный повелитель.

Грифель карандаша свободно летал по поверхности бумажного листа. Ричард глубоко проник в понятие сути льва, такого проникновения в существо явления раньше он не мог достичь; это озарение пришло только теперь. Он находился в красном поясе джунглей, он

⁵ В греческой мифологии – народ, живущий на севере.

был сейчас в таком состоянии, когда, вглядываясь в незнакомую форму жизни, задаешь себе вопрос: чем она пахнет?

Он остановился. Гм, а что, неплохо!

Он мечтательно посмотрел в окно и попытался представить себе плоскую равнину, по которой перемещались яркие точки зебр и жирафов, бродили буйволы, носились хитрые антилопы и то тут, то там видны были вездесущие гиены.

Ему уже почти удалось увидеть то, что он хотел увидеть, как вдруг красивая иллюзия рассыпалась в прах. По дороге к ферме приближалась черно-белая патрульная машина полиции штата Оклахома.

Хотя Бад сидел за рулем, настроение у него было препаршивое.

– Тед, тебе правда не мешало бы позвонить Холли.

– Нет. – Это было единственное, что был в состоянии ответить Тед.

– Она будет волноваться, – настаивал Бад.

– Если говорить правду, Бад, – проговорил Тед, – то в последнее время мы почти не разговариваем с Холли. Я махнул на нее рукой. По ее глазам я хорошо вижу, что ничего для нее не значу. Мой бог, я так люблю ее, но вот она здесь, а я не могу достучаться до нее.

Бад стало очень неловко, он занервничал, судорожно сглотнув. У него запершило в горле. Тед был действительно несчастен и остался один на один со своей болью.

– Вот, например, ты и Джен – у вас идеальный брак. Вы одна команда. Она – часть твоей карьеры. Она довольна тем, что у тебя есть и каков ты есть. Она никогда на тебя не давит.

– Тед, ты же знаешь, что внешность бывает обманчива.

– Только не твоя внешность, Бад.

– Слушай, Тед, нам надо будет потолковать.

– Потолковать?

Но в этот момент они подъехали к скотному двору фермы Степфордов. У дома были рубчатые белые деревянные стены, видно, что двор застраивался постепенно, по мере того как дела хозяина шли в гору. Лужайка аккуратно подстрижена, вдоль дорожек росли яркие цветы. Дом стоял в тени огромного дуба.

Бад и Тед вышли из машины. Бад поправил антенну, достал из проволочной сетки на спинке сиденья фуражку и надел ее на голову. После этого он огляделся. Рядом с домом было свежевспаханное поле, с которого недавно скосили пшеницу. До самого горизонта то там, то здесь виднелись дубовые рощицы, а яркая зелень простирающихся полей говорила о том, что с них еще предстояло убрать люцерну. Справа раскинулось пастбище, по которому между стогов сена бродили коровы.

По радиотелефону Тед набрал номер.

– Слушай, наверняка они плохо положили трубку, – сказал Тед.

– Алло! – закричал в трубку Бад.

Ответа не было.

– Пошли поступимся в дверь и выясним, не случилось ли чего.

Ричард опретью летел вниз по лестнице. Он не кричал, хотя ему страшно хотелось это сделать. Все его существо было охвачено паникой. Ему захотелось в уборную. Каждый шаг его тяжелого бега отдавался в животе болью.

– Ламар, – закричал он с рыданиями в голосе, – Ламар, Ламар, ой, Ламар!

По ступенькам он бросился в подвал.

В подвале Оделл что-то пилил на верстаке ножовкой. На полу Ричард разглядел три длинных металлических стержня и какие-то деревянные чурбачки.

Ламар взглянул на Ричарда.

– Ламар, – простонал тот, – полиция. Полиция штата.

Ламар смотрел на него отсутствующим взглядом. Потом раскрыл рот:

– Сколько их? Это отряд? Подвижная группа захвата? Или просто одна патрульная машина?

– Я заметил только одну, – сказал Ричард, – на подъездной дорожке, на полпути отсюда. Они будут здесь через минуту.

Ламар кивнул. Он обернулся и посмотрел на чету Степфордов, которые, ослабев от пережитого ужаса, покорно сидели на старом диване.

– Только пикните – и вы покойники. Я не шучу, я действительно это сделаю.

Голос Ламара звучал спокойно, но очень убедительно.

Тем временем Оделл оторвался от верстака и занялся зарядкой ружей, из которых, как теперь понял Ричард, Оделл сделал несколько удобных обрезов.

Ламар взял один из них и передернул затвор.

– Мы поднимемся наверх. Ты пока свяжи этих людей и постарайся сделать это получше. Потом поднимайся к нам. Если услышишь стрельбу, беги быстрее и не забудь свой пистолет.

– Телять, – счастливым голосом просюсюкал Оделл.

– Слушаюсь, Ламар, – ответил Ричард.

– Пошли, Оделл, – велел Ламар, – сейчас мы будем готовить жаркое из легавых.

Ламар положил в карман пригоршню патронов. Оделл последовал его примеру. Они бегом поднялись по лестнице.

Ламар внимательно наблюдал за ними. Один – с виду серьезный мужик, второй – молодой парнишка. Стоят на солнышке, озираются. Старший крикнул: «Хелло!» и поправил пояс. Потом достал из машины фуражку, натянул ее на голову и долго поправлял. Он хотел выглядеть представительно. Воображала, в рот ему... Молодой выглядел сердитым, может быть, он просто устал. Было похоже, что он хочет поскорее отделаться от всей этой обузы.

Ламар понимал, что они не ждут никаких неприятностей. Он это нутром чуял. Копы просто не представляли, куда они лезут; когда произойдет то, что должно произойти, они растеряются и долго не смогут прийти в себя. Он видел, как они перекинулись несколькими словами, а потом приняли решение идти в дом.

Ламар также понял, что на молодом надет защитный жилет, так как форменная рубашка была натянута на его торс неестественно гладко. Хлопковая ткань прилегала к кевлару без единой морщинки. Старший, который был гораздо более крепкого телосложения, жилета не носил. И хотя у него была очень мощная грудная клетка, униформа сидела на нем свободнее, чем на молодом.

– Оделл, выйди во двор и спрячься за левый угол дома. Не стреляй, пока я не начну стрелять. Сначала целься в старшего, я сделаю то же самое. Возможно, он уже бывал в переделках и по нему уже вели огонь. Так что он, может, не впадет в панику, как молодой. Но самое главное – не дать им добраться до машины. Потому что у них в машине передатчик и телефон, если они доберутся до них, то через две минуты здесь будет подкрепление. Мы должны снять их чисто, ты понял меня, солнце мое?

– Тито, – ответил Оделл.

– Мальчишке стреляй в голову. Целься высоко и старайся попасть в лицо. Старику можешь стрелять в живот, на нем нет бронежилета.

Оделл с обрезом в руке пошел на задний двор.

Ламар подошел к левому окну. Они пока слишком далеко, стрелять еще рано. Если бы у этого фермера были настоящие ружья, то из полуавтоматической винтовки можно было бы уже сейчас снять обоих копов, не дожидаясь, пока они подойдут ближе. У него было четыре

патрона в обрезе полуавтоматического «браунинга» и полные карманы боеприпасов к нему, кроме того, у него был пистолет сорок пятого калибра, но он ненавидел в подобных ситуациях короткоствольное оружие. Слишком много всяких «если» и «может быть» возникает при стрельбе из пистолетов.

Он был необычно взволнован. Возбуждение на грани сумасшествия. Ламару хотелось хихикать, его охватило какое-то немислимое блаженство. Он пытался остудить себя, но куда там! Дело обещало быть захватывающим.

Когда стрелять? Стрелять, когда они постучат в дверь? Стрелять в них через дверь? Но может быть, пуле не хватит сил пробить деревянное полотно двери? Тогда пуля застрянет и все пойдет прахом. Нет, лучше всего впустить их в дом и дать пройти метра три. Подстрелить их из обрезов, а потом прикончить из револьвера сорок пятого калибра.

О-о-о-о-о! Поджаренный легавый! Пальчики оближешь!

Они не спеша шли к дому. Слюдяными крыльями на солнце сверкали стрекозы. Бад смотрел на цветы и чувствовал ту любовь, которую хозяйева вкладывали в свой уход за ними. Джен была такой же. Странно, что хозяйева не вышли поприветствовать полицию. Кажется, фермеры остались единственными людьми в Америке, кто еще сохранил в душе уважение к представителям закона.

Он повернулся к Теду, чтобы поделиться своим удивлением, но в это время Тед взорвался.

Конечно, он взорвался не в буквальном смысле, просто вокруг его головы возникло мелкочаечистое облако красного цвета, а из шеи начал бить красный пульсирующий фонтан; глаза расширились от ужаса.

Бад показалось, что они сквозь невидимую стеклянную дверь вошли в совершенно незнакомый мир. Было ощущение, что он попал в патоку или в масло, во всяком случае во что-то вязкое, что гасило все звуки, потому что наступила гробовая тишина. Не доносилось ни одного звука. Может, они и доносились, но Бад перестал их слышать. Он почувствовал многочисленные жгучие уколы, словно его атаковал рой рассерженных пчел, и одновременно ощутил, что у него онемела и отнялась нога.

Потом мир окрасился в ярко-оранжевый цвет, буквально вспыхнул, и Бад потерял всякое представление об окружающем; ему показалось, что время остановилось. Чувства вернулись несколькими секундами позже, когда Бад обнаружил, что лежит на земле. Самого момента падения он не помнил. Кругом все залито кровью. Кровь была везде. Он посмотрел на беднягу Теда, у того сильно текла кровь из раны на шее, он беззвучно стонал. От выстрела разбилась левая линза солнцезащитных очков Теда, из прикрытого глаза тонкой струйкой змеилась кровь. Казалось, что все произошло очень медленно, и он не мог понять, что, собственно, случилось. В воздухе носились пыль и неизвестно откуда взявшееся множество насекомых. В этот момент Бад понял, что их обстреляли из левого окна дома и что он серьезно ранен.

– Тах-тах-тах! Ужья тах-тах, патоны – тюп, тюп, ужье тах-тах, унова! Ха! Ха! Огонь, дым, ура! Пахой коп упав, анен. Красный веть. Мотри, какой красный! Тах-тах-тах! Мар зардив – стельнув, зардив – стельнув. Делл стеляй унова. Нади патон унова. Ужье делай клак! Ужье делай тах-тах!

Оделл смеялся.

– Как халасо и смесно.

– Я ранен, о мой бог! – закричал Тед, нарушив мертвую тишину.

Весь мир наполнился громкими звуками. В ушах у Бада звенело, и все его существо громко кричало от невыносимой боли. В горле стоял противный медный привкус, словно он проглотил поганый сэндвич в дешевой забегаловке. В легких что-то громко скрипело, а дыхание рядом лежавшего Теда было громким, как жужжание циркулярной пилы.

Бад не помнил, как достал свой «смит-вессон», но он, о чудо, был у него в руке, и он начал по кругу стрелять в разбитое левое окно, когда почувствовал несколько болезненных ударов в грудь. «Жилет, о черт, мой жилет», – с запоздалым сожалением пробормотал Бад и распластался на земле. Оружие было потеряно. Потом он снова нашел револьвер и начал стрелять, но боек стучал по пустому магазину, выстрелов не было. Он открыл барабан, и на землю выпали шесть стреляных гильз.

Черт! Где зарядное устройство? Зарядное устройство!

Он нащупал заряды в подсумке и попытался вытащить запасной барабан, но пальцы плохо гнулись и были скользкими от крови. Барабан выпал из непослушной руки и покатился в пыль, на вымазанную кровью сталь налипали мелкие песчинки и камешки.

– Я ранен, о мой бог, я ранен! – причитал Тед.

«Крышка, – подумал Бад, – крышка. До машины слишком далеко».

Он поднялся и с трудом, рывками дотащил Теда до дерева в десяти метрах от того места, где они попали под огонь. К ним бегом приближался рослый человек. Бад поднял свой револьвер и начал стрелять. Человек пригнулся. Бад не мог понять, почему оружие не стреляет, – выстрелов не было, курок шелкал вхолостую. Бад посмотрел в барабан: так и есть, револьвер не заряжен. Он же не смог его перезарядить. Он потерял запасной барабан, патроны укатились в пыль. Он вспомнил, что в подсумке у него есть еще один барабан.

«Револьвер надо перезарядить, надо перезарядить револьвер», – говорил себе Бад, вытаскивая из подсумка второй барабан с шестью патронами. Его он тоже уронил. Потом он вспомнил об оружии Теда и попытался вытащить из кобуры его пистолет, но клапан кобуры не поддавался. Тед от отчаяния дрожал крупной дрожью. Из раны за ухом текла кровь, на лице запеклись пятна крови. На ногах тоже были кровоточащие раны.

– Я ничего не вижу, – простонал Тед. – О боже, Бад, я ничего не вижу.

– Успокойся, успокойся, – повторял Бад, пытаясь осмыслить ситуацию.

Он подобрал зарядное устройство и ухитрился вставить патроны в камеру барабана, повернул предохранитель, и патроны вошли в патронник. Бад замкнул барабан и оглянулся в поисках цели. Цели не было.

«Машина, – подумал он. – Надо добраться до радио и вызвать подкрепление. Делай это! Делай это сейчас!»

– Тед, я попробую добраться до машины.

– Не оставляй меня, пожалуйста, не оставляй меня!

Ричард затянул последний узел слишком туго, и старик скривился от боли. Но Ричарда это не волновало. Ему надо было позаботиться о других вещах. Он посмотрел на пожилую супружескую чету, на двух стариков, связанных, как свиньи перед убоем. В других обстоятельствах он был бы потрясен трагичностью подобной сцены, но не сейчас.

Он бросился вверх по лестнице на кухню. В голове металась одна-единственная мысль: бежать, выбраться отсюда!

Он выбежит во двор, а оттуда махнет в поля. Он просто исчезнет, пока они тут стреляют друг в друга. Его найдут позже. Он сумеет убедить полицию, что не имел с братьями Пай ничего общего.

Ричард был уже на полдороге к кухне, когда раздался первый выстрел. Он громыхнул еще громче, чем вчера, когда Ламар стрелял в потолок. Это было похоже на сильные удары кувалдой по огромному пустому котлу.

Ричард немедленно упал на пол лицом вниз.

Бум! Бум! Бум!

Это было нескончаемо. Грохот нарастал и нарастал. Ричард никогда не предполагал, что ружья стреляют так громко! Он лежал на полу и плакал.

«Господи, не оставь меня!»

Бад постарался освободиться от хватки Теда и оглянулся еще раз в поисках цели. Но в воздухе была видна только завеса из дыма и пыли, сверкающая на солнце. Он моргнул. Это не помогло. Единственное, что он мог сказать, – это то, что по ним стреляли из двух ружей. Это было все, что он мог знать наверняка.

Он заметил какое-то движение за углом дома и дважды выстрелил туда, затем поднялся, чтобы бежать к машине, но в это время тяжелый удар вырвал землю у него из-под ног, пистолет отлетел в сторону, и Бад не видел, куда он упал. Идти он не мог. Он попытался ползти.

– Не оставляй меня! – отчаянно крикнул Тед.

Он протянул руку и последним усилием схватил Бада за лодыжку. Бад вырвался и пополз дальше. В этот момент он увидел над собой громадную фигуру Ламара Пая.

– Ну, здорово, папаша, – сказал Ламар.

– О господи, – выдохнул Бад.

– Да, сэр. Если бы я был на твоём месте, то тоже стал бы думать о душе, мистер Легавый.

– Чтоб тебе... – ругнулся Бад.

– О, я смотрю, ты упрям как бык, да? Оделл, иди сюда, посмотри, кого мы заполучили. Парочку копов. – Он вновь повернулся к Баду: – Мне понравилось, как ты под огнем перезарядил свой револьвер. Это было здорово. Надо отдать тебе должное, ты профессионал. Просто тебе не повезло. Тебя перехитрили. Оделл, отними у другого парня пушку.

Оделл Пай, неправдоподобно огромный, с растрепанными рыжими волосами, с лицом, испятнанным угрями и веснушками, подошел к Теду, который лежал на земле, скорчившись и истекая кровью. Оделл пнул его в спину, от боли Тед распрямился, и Оделл взял у него пистолет.

– Пушка, – гордо сказал Оделл, подавая Ламару «смит-вессон» Теда.

– Да, Оделл, это она, пушка. – Ламар снова повернулся к Баду: – Ну что, папаша, если ты этого еще сам не понял, то, так и быть, скажу, что твоя песенка спета. Я никогда не убивал копов, этим дерьмом занимались другие. Но я помню, что много лет назад именно вы, легавые, убили моего старика. Меня самого тогда еще на свете не было.

– В рот тебя, Пай, и ту кобылу, которая родила тебя на свет. Мы тебя все равно возьмем, вот увидишь.

– Ты тоже посмотришь, полицейский. Я собираюсь прогуляться по штату так, чтобы эту прогулку запомнили надолго. Через сто лет папочки будут пугать на ночь своих соплищцев именем Ламара Пая, оклахомского льва. Оделл, всади пулю в передатчик в машине и посмотри, нет ли там оружия.

Оделл пошел к машине. Бад слышал выстрел, который разнес вдребезги радиотелефон, и звук открываемого багажника.

Ужье, ужье, – пел Оделл, и Бад увидел, как он потрясает зачехленной AP-15 Теда.

«Вот дерьмо», – подумал Бад.

Потом его осенило: «Еще не все потеряно». Он вспомнил, что в ножной кобуре у него лежит «смит» тридцать восьмого калибра.

Когда Ламар отвернулся, Бад согнулся и достал рукой до кобуры, но он не смог расстегнуть клапан, так как рука была в крови и скользила. Пока он счищал кровь с пальцев, момент

был упущен. Ламар с быстротой молнии подскочил к Бад, наступил огромным ботинком на его лодыжку и, придавив ее к земле, нагнулся и взял маленький пистолет.

– Такой здоровый мужик и таскает такую дамскую штучку – тебе должно быть стыдно.

Он отшвырнул пистолетик в сторону.

– Не убивайте меня! Я прошу вас, не убивайте меня! – верещал Тед.

– Тед, заткнись, – рявкнул Бад.

– Думаю, что он не слышит твоего приказа, – сказал Ламар. – Он вовсе потерял рассудок.

– Он еще совсем ребенок. Пощади его, оставь ему жизнь. Он еще даже не стал капра-лом. У него жена. Когда-нибудь у него будут дети. Не трогай его. Убей меня. Я старик, у меня уже дети взрослые.

Глаза Ламара расширились в притворном изумлении.

– Вот что я тебе скажу, – произнес он. – Как насчет того, что я убью вас обоих, а вы потом на небесах сами разберетесь, кого из вас я должен был убить первым? – Он посчитал свою шутку весьма забавной. Затем повернулся к Оделлу: – Оделл, веди сюда этого треклятого Ричарда и стариков. Нам надо побыстрее выбираться, кто-нибудь мог слышать всю эту пальбу. Стариков мы берем с собой.

Ламар опустился на колени рядом с Бадом.

– Тебе очень больно? Я могу пристрелить тебя сейчас, чтобы ты не очень мучился.

– Отвяжись, Пай.

– А ты молодчина, я люблю таких мужиков. Но, скажу я тебе, у твоего напарника точно ничего нет там, где должны быть яйца. Он плачет, как ребенок. Я ненавижу детей.

– Он же совсем молодой парнишка, ты, дерьмо!

– Все же ему стоило бы научиться сдерживать слезы. Детишки не нравятся никому.

Кстати, как вы нас нащупали?

– Было экстренное оповещение. Через минуту здесь будет шестьдесят машин.

– Ты хочешь предстать перед Господом с ложью на устах? Приятель, разве ты не знаешь, что это прямая дорога в ад? Ты бы лучше помолился о спасении своей души.

– Пай, не убивай мальчишку и стариков не трогай. Отпусти их. Ты получил меня – старого сержанта. Может, этого хватит на сегодня?

– Да, упрямства тебе не занимать, – сказал Ламар, – но мне все равно придется вас убить.

Бад старался не дрожать, но его трясла крупная дрожь. Он пытался унять боль, но она не унималась. Он глянул на себя. Как много крови! Он ранен в сотню мест. Он никогда не предполагал, что в нем так много крови. Ему было больно дышать. Ему было больно даже думать.

Ламар куда-то ушел. Бад остался один. Он подумал о Джен. О боже, каким же плохим мужем он был. Он вспомнил все, что не сказал и не сделал своей жене. Все это время он провел с Холли. Зачем? «Почему я не был хорошим человеком? Я очень хотел им быть, но вот чем все кончилось». Он подумал о своем младшем сыне – Джеффе. «Ох, Джефф, плохо твой папка стремился быть вместе с тобой. Я хотел помогать тебе, показать тебе, что к чему в этом мире, и сделать для тебя все, что нужно, если вдруг ты попадешь в трудное положение. Я хотел дать тебе все, что у меня есть. Мне не надо было оставлять тебя». Он потерял своих детей, и сейчас ему очень их не хватало.

– Бад, – послышался рыдающий стон.

Он повернулся. Поворот дался ему с таким трудом, словно он переплыл целый океан боли. Раньше он не знал, что бывает такая боль.

– Тед, постарайся успокоиться.

– Бад, они нас пристрелят.

– Они просто пытаются запугать нас. Им надо скорее уносить отсюда ноги, и они прекрасно это знают. Если они нас прикончат, то наши люди устроят охоту за ними и убьют, как только обнаружат, и они это знают. Так что все это блеф.

– Нет, Бад, это неправда. Ты просто успокаиваешь меня. Ты это переживешь, а я нет. Я знаю, что все равно умру. Господи, Бад, мне так нужна Холли, я так любил ее, о боже, как я люблю ее. Как жаль, что я так и не стал мужчиной...

– Перестань, Тед.

– Бад, позаботься о ней, пообещай мне это, Бад. Пожалуйста, пообещай. Помоги ей, как ты пытался помочь мне.

– Я...

– Ну прошу тебя! Боже, я в таком страхе. Боже, пожалуйста, пока я еще жив!

В этот момент вернулся Ламар. Завели мотор джипа старого фермера. Бад увидел на заднем сиденье двух угрюмых стариков, которые были связаны и сидели неестественно прямо, словно проглотили аршин. Теперь наступила их с Тедом очередь. За рулем джипа сидел хамского вида молодой белый парень – этот чертов Ричард Пид. К полицейским подошли Ламар и Оделл.

– Ты помолился о спасении души, полицейский? – спросил Ламар.

– Кусок дерьма, – ответил Бад.

Ламар подошел к Теду. Тот лежал лицом вниз, свернувшись, как младенец в утробе матери, и тихо плакал. Ламар наклонился над ним с пистолетом сорок пятого калибра, приставил дуло к затылку молодого полицейского и выстрелил. Волосы Теда взметнулись огненным вихрем, когда пуля поразила его голову. Потом Пай повернулся к Баду. Но патроны в револьвере сорок пятого калибра кончились. Казенная часть была выдвинута назад.

Он отдал пистолет Оделлу и вскинул обрез. Расстояние между ним и Бадом было около восьми метров.

– Тебе все же следовало надеть пуленепробиваемый жилет, сержант, – весело сказал Ламар.

Бад подскочил на месте, когда его ударила пуля. Выстрела он не услышал: ему показалось, что вокруг него взорвалась Вселенная. Все вокруг стало ослепительно красного цвета, в нос ударил запах дыма и пороха. Он почувствовал нестерпимый жар и тысячи мелких ударов по всему телу. Почувствовал, что его душа расстается с телом.

Глава 07

Большую часть пути они проехали молча. Оделл, млея от счастья, сидел за рулем, рядом с ним, на переднем сиденье, – настороженный Ламар. На заднем сиденье поместились Ричард и сурово насупившиеся Степфорды. Миссис Степфорд придвинулась к мужу и что-то шепнула ему на ухо.

– Прощу прощения, – громко сказал мистер Степфорд. – Моей жене надо выйти, она хочет пипи.

– Мне очень жаль, мэм, но я должен попросить вас потерпеть еще чуть-чуть. Нам надо убежать немного дальше.

– Какая, к дьяволу, разница? – спросил мистер Степфорд. – Вы же все равно убьете нас, как тех ребят из полиции.

– Не мешай мне, ладно, старик? Мне надо подумать, куда мы едем.

Они ехали по проселочной дороге на предельной скорости, но ни разу не нарушив правила. Не было слышно сирен, по радио не прозвучало объявления о найденных трупах полицейских, в небе над ними не кружили вертолеты.

– Отлично, – проговорил Ламар, сверившись с картой. – Езжай прямо, никуда не сворачивай. Нам надо доехать до Кокс-Сити, а потом свернуть налево на дорогу номер двадцать один, она приведет нас в Брей. Оделл не умеет различать знаки и читать, но он может повернуть, когда я велю ему это сделать.

– Куда мы едем, Ламар? – спросил Ричард.

– Ричард, я еще не готов к такому разговору. Лучше подумай, что я собираюсь сделать с тобой. А пока сиди спокойно и не ерзай.

– Я сделал что-то не так?

Не удостоив его ответом, Ламар пристально смотрел на дорогу горящим взглядом. Наконец, когда они проехали Эмпайр-Сити, Ламар снял с головы шляпу. Это был широкополый белый стетсон, деталь выходного наряда мистера Степфорда. Ламар внимательно разглядывал перышко на ленте шляпы, но было ясно, что в этот момент он принимает решение. Он резко обернулся и в упор посмотрел на троицу, сидевшую сзади.

– Ну, Ричард, – произнес он скучным голосом, – рассказывай. Я хочу знать, что ты делал во время перестрелки.

– Э-э, – ответил Ричард, – э-э, я побежал на кухню вслед за Оделлом. Я хотел обежать дом с другой стороны, но не успел. Все кончилось очень быстро.

– Да куда он не побежал, – промолвил мистер Степфорд. – Я же все слышал. Он все время провалился на полу, на кухне. Он лежал и плакал.

– Из тебя бы получился хороший разбойник, правда, мистер Степфорд? Не то что из этого бедолаги Ричарда.

– Наверное, получился бы, Ламар, да не хочу я связываться с таким дерьмом, как вы.

– Ну ладно, – продолжил Ламар. – Ричард, скажи-ка мне, друг любезный, что мне с тобой теперь делать? Тебе надо делать больше, чем только рисовать.

– Ламар, ты же знаешь, что это не мое поприще.

– Конечно знаю. Но если я не могу рассчитывать на тебя в переделках, то какой, спрашивается, от тебя прок? А мы теперь все время будем ехать по стране Переделок.

– Ламар, я даже не знаю, как стрелять из писто...

Ламар резким движением выбросил вперед руку и с треском ударил Ричарда шляпой по лицу. Это было не очень больно, но Ричард был ошарашен, на его лице отразилось недовольство. Это привело Ламара в еще больший гнев, и он начал лупить Ричарда шляпой, совершенно расплющив ее. Закрываясь руками, Ричард сполз с сиденья.

– А ведь была такая хорошая шляпа, – произнес мистер Степфорд.

Наконец Ламар успокоился. Он сел в прежнее положение, тяжело и трудно дыша, от гнева его лицо побагровело, в легких что-то свистело, в груди появилась боль. Он повернулся к Оделлу:

– Сворачивай сюда. Это большое поле вполне подойдет.

Оделл затормозил, съехал с гравия, пересек дренажную канавку и выехал на поле. Он несколько секунд наслаждался работой восьмицилиндрового двигателя, затем повернул ключ. Все стихло. Мотор замолчал.

Узкая черная лента дороги пересекала бескрайний простор хлопковых и арахисовых плантаций. Над всем сиял огромный шатер неба, на котором громоздились в виде сказочных замков тяжелые серые и белые облака. Вокруг не было заметно ни одной машины. В стороне виднелась одинокая дубовая рощица. До нее было метров четыреста.

– Ну, народ, приехали, – сказал Ламар, – выходите.

– Не делай этого, Ламар, – проговорил мистер Степфорд. – Я знаю, что ты подонок, но ты не должен это делать. Тебе же понравилось, как готовит моя жена, и ты был в восторге от моей коллекции ружей. Тебе этого недостаточно? Эти ружья сослужили тебе хорошую службу в драке.

– Я должен сделать то, что должен, старик. И ты, Ричард, тоже. Подойди-ка сюда поближе.

– Зачем? О боже, Ламар, – захныкал Ричард.

– Подбери сопли, Ричард, – сказала миссис Степфорд. – Ламар, делай что хочешь, только заткни ему рот. От его причитаний у меня болит голова. Только, может, я сначала сделаю пипи? Я и так уже долго терплю.

– Конечно, мэм. Оделл будет наблюдать за вами, не волнуйтесь, для него это ровным счетом ничего не значит, а остальные отвернутся. Эй, Ричард, отвернись, пусть леди уединится.

Ричард задумчиво глядел на деревья вдаль. На душе было муторно. Он же очень старался. Он так хотел сделать то, чего от него ожидали.

– Ламар, я прошу тебя.

– Заткнись, Ричард. Вы готовы, миссис Степфорд? Спасибо, мэм. Вот такие, значит, дела.

Он повел всех в поле. Начинало смеркаться. Закат полыхал оранжевым огнем. Ричарду вспомнились картины Констебла, изображавшие закат солнца. Природа была абсолютно безмятежна, составляя непостижимый контраст с происходящими патетическими событиями, она с изысканной иронией издевалась над делами своих детей. Маленькая группа двигалась через поле. Ричард чувствовал себя букашкой на дне пустого бассейна. Горизонт вокруг казался беспощадно плоским. Они спустились в мелкую ложину и подошли к небольшой дубраве. Посреди дубов протекал маленький ручеек. Место было необычно тихое и уютное.

– Ну вот мы и пришли, – сказал Ламар. – Вы помолились о спасении души?

– Ты дерьмо, Ламар, – отозвался Степфорд.

– Не делай себе хуже, старик. Меня это нисколько не задевает. Не суетись, тебе будет от этого только больнее.

– Поддержи меня, Билл, – попросила старая женщина.

– Ты чертовски хорошая женщина, Мэри, – обратился к жене Билл Степфорд. У него на глаза навернулись слезы. – Ты подарила мне пятьдесят прекрасных лет, и я ни разу не слышал от тебя ни одной жалобы. Я не был порядочным мужем. У меня были женщины, и много женщин. Дочь издольщика, Мэгги. В городе – Минни Пурвис. Племянница Эла Джефферсона, секретарша. Мэри, мне очень стыдно за это.

– Это давно прошло, да я и тогда знала о них. Успокойся. – Она обернулась к Ламару. – Этот человек пятьдесят раз летал бомбить Германию во время войны. Он был дважды ранен и награжден Летным Крестом за отличие, хотя сам он не любит рассказывать об этом. Он вернулся с войны и на голом месте построил ферму. Он двенадцать лет был председателем фермерского совета. Он вырастил четырех сыновей и двух дочерей. Он давал работу сотням сезонных рабочих и их семьям. Он платил за их лечение, когда они болели. Троице детям своих рабочих он дал возможность выучиться в колледже. И он никогда никого ни о чем не просил. Он хороший человек, и ты не имеешь права убивать его, как собаку, в этом поле.

– Он хороший человек, – согласился Ламар, – и у меня нет никакого права его убивать. Но есть одна маленькая загвоздка: у меня есть оружие и я получил такое право.

Он обернулся к Ричарду:

– Вот. – Он вручил Ричарду серебристый револьвер убитого полицейского. – Это принадлежало убитому копу. Старый полисмен до конца пытался сопротивляться. Может, часть его упорства прилипла к этой пушке и передастся тебе. Застрели их. Обоих. В голову. Или я пристрелю тебя.

Он поднял длинноствольный автоматический пистолет, снял его с предохранителя и прицелился в Ричарда.

Ричард проглотил несуществующую слюну.

– У него не хватит духу, – проговорил Степфорд. – Кишка у него тонка для такого дела.

– Ну вот и дайте ему шанс, – сказал Ламар. – Давай, Ричард. Покажи мне, что ты мужчина. Сделай мужскую работу.

Ричард обернулся. Старики стояли на коленях. Мистер Степфорд обнял за плечи свою жену. Старушка тихо плакала. К горлу Ричарда подкатила тошнота. Все обнажилось, речь шла о его самосохранении. Надо только прижать дуло к голове и нажать на спуск. Через секунду все будет кончено. Но у него и правда кишка тонка. Что произойдет? Их головы разлетятся вдребезги? Хлынет кровь? Ее будет много? Она зальет все кругом? Он отвернулся и посмотрел в дуло пистолета Ламара. В бесстрастных глазах Ламара он прочитал свой смертный приговор.

– Влип в дерьмо по самые уши, – сказал Ричард.

Он вспомнил классические эксперименты в Йельском университете: типичным американцам присоединяли к мозгу электроды и они под действием электрических импульсов мучили какого-нибудь человека, если им это приказывали. Но сейчас было совсем другое. Сейчас речь шла о его жизни и смерти.

Он снова повернулся к старикам и, прижав дуло пистолета к затылку миссис Степфорд, спустил курок.

Не последовало ничего, кроме щелчка. Он снова нажал на гашетку.

– Пистолет сломан, – сказал он.

– Ричард, ты дурак, – отрезал Ламар. – Поворачивай свою задницу и топай в машину.

Ричард не заставил себя долго упрашивать.

– Вот видите, – продолжал Ламар, – у него хватило духу это сделать. Просто он слишком туп, не понял, что пистолет не заряжен. Я прошу прощения, что привез вас сюда. Но мне надо было проверить парня. Он, конечно, ничтожество, но мистер Степфорд вряд ли захочет присоединиться к нам, поэтому мне не оставалось делать ничего другого.

– Ламар, ты до смерти напугал Мэри.

– Тут уж ничего не поделаешь. Я сделал то, что должен был сделать. Все очень просто. Если ты попался мне на дороге, старик, то мне приходится убивать тебя. Но ты оказался с перцем и характером, это я признаю. Ты очень мужественно принял то, что тебе выпало, и за это я тебя уважаю. Вы последние, кто остался в живых на ферме, и, можно сказать, вы спасли Ричарду жизнь. Вы останетесь здесь до утра. Сейчас не холодно, и вы не простудитесь. На

дорогу вы выберетесь только к рассвету. Мы в это время будем уже далеко. А вы утром вернетесь домой.

– Ламар, – сказала миссис Степфорд, – ты нехороший человек, и тебя убьют даже скорее, чем ты предполагаешь. Но может, это будет слишком поспешное решение, если вспомнить о том милосердии, которое ты сегодня проявил.

– Спасибо, – ответил Ламар. – Это самая приятная вещь из всех, что мне когда-либо говорили. Мне очень жаль, что пришлось ограбить вас и взять у вас оружие. Но я должен был сделать то, что должен.

– Прощай, Ламар, – проговорила Мэри.

Ламар повернулся и зашагал к машине.

Билл смотрел ему вслед.

– Мэри, все же ты дура. Этот человек – чистокровный белый подонок. Его убьют до завтрашнего рассвета, ну, может быть, завтра днем, и один только бог знает, сколько человек он унесет с собой в могилу. Не могу понять, откуда у тебя симпатия к таким ублюдкам.

– Да, Билл Степфорд, – согласилась она, – ты правильно говоришь. Он плох. Он даже еще хуже, чем ты сказал. Но я прожила с тобой жизнь, и я знаю. У него есть то, чего никогда не было у тебя. Он верен сам себе.

Они ехали сначала на юг, потом свернули на запад, на заход солнца, проезжая страну фермеров и маленькие скучные сонные городишки. Наконец Ричард нарушил молчание:

– Спасибо тебе, Ламар.

– Спасибо и тебе, Ричард. Оделл, Ричард доказал, что он мужчина. Он способен нажать на гашетку.

– Делл поппи-поппи, – сказал Оделл и улыбнулся.

– Это значит, что Оделл счастлив, Ричард. Ты доставил радость его простой бедной душе. Отныне ты член нашей семьи.

– Спасибо, Ламар.

– Теперь нам надо найти место, где мы отсидимся и подумаем, куда нам двигаться дальше.

– Ламар!

– Ричард, я надеюсь, что ты любишь походную жизнь. Мы с Оделлом провели немало ночей под холодными звездами. Это не проблема. Это не отель, куда копы могут нагряться с облавой, это не мотоциклетная компания, куда легавые понасажали кучу стукачей и где плюнуть некуда – того и гляди, попадешь в жучок или микрофон. Я не собираюсь никуда проситься на ночлег – это может доставить нам массу хлопот. Лучше мы заляжем на дно и проживем немного на природе.

У Ричарда было одно предложение на этот счет, но он молчал до того момента, когда его испытание окажется позади. И вот теперь этот момент наступил. Он выдержал свой экзамен.

– Ламар!

– Что?

– Мне кажется, я знаю место, где мы можем остановиться, – сказал Ричард.

Глава 08

Первым делом Бад ощутил свои губы. Чувство было такое, словно они слиплись в засохшей грязи, или в запекшейся коросте, или еще в какой-нибудь гадости. Он попробовал пошевелить губами и разодрал с громким, как ему показалось, хрустом запекшуюся корку. Губы были сухими – две полоски засохшей кожи. Во рту тоже было совершенно сухо, язык стал шершавым, как рашпиль.

Рядом он услышал звук падающих капель: кап-кап-кап. Двигаться он не мог. Он не чувствовал своего тела. Он ничего не мог вспомнить, кроме оранжевых вспышек, ярко-красных цветков и жужжания невиданных насекомых. Потом он вспомнил, как Ламар наклонился над Тедом и как от выстрела у того взметнулись волосы на голове. Он вспомнил, как извивался Тед. Он вспомнил, как заряд впился в его собственное тело. Он вспомнил ощущение боли.

Джен!

Джефф!

Расс!

Он подумал, что они потеряны для него навсегда. Он чувствовал себя так, как, вероятно, чувствовал себя его отец, когда служители похоронной конторы навели ему макияж и он тихо спал в своем гробу, такой красный и румяный, каким он никогда не был при жизни.

Однако вскоре он стал различать свет и, как ему показалось, звуки. Он сосредоточился. Ему казалось, что он выныривает из глубины, долго и с трудом приближаясь к поверхности воды. Вот поверхность приближается, вот он выныривает и чувствует какой-то запах... и понимает, что это аромат бурбона.

Лейтенант Си Ди Гендерсон, сотрудник БРШО, смотрел на него сквозь стекла своих очков. Временами Бад очень отчетливо видел лейтенанта, но иногда его силуэт расплывался и становился мутным и смазанным. Вот он видит старика, а вот – хлоп, и от него остается только распластанное по серому небу пятно. Наконец очертания лейтенанта приняли некую устойчивую форму.

– Он приходит в себя, – проговорил лейтенант.

Слова прогрохотали так, словно Гендерсон вещал в мегафон. Они гулким эхом отдавались внутри черепа Бада.

Появилась Джен. Ради нее он постарался освободиться от пут смерти, но эта паутина крепко держала его. Джен казалась погруженной в глубокое горе, лицо ее было печальным и опухшим от слез. Такого проявления чувств на ее обычно бесстрастном лице Бад не видел уже очень давно. Вот в поле его зрения появился Джефф, очень напряженный и озабоченный. Здесь был и Расс, даже Расс, который уже давно никуда и никогда не ходил вместе с ними, и тот был здесь. Происшествие, кажется, вымыло из него обычную раздражительность и отчужденность, и под его напряженным взглядом угадывалось беспомощное выражение лица маленького ребенка.

– Эй, Бад, не вздумай умирать при мне, – сказала Джен.

Он не мог ничего сказать ей в ответ. Губы не повиновались ему.

– Папа, – говорил ему Джефф. Он плакал. – Папочка, господи, ты выжил, как нам повезло, господи, какое же это счастье.

Над одной его перевязанной рукой висел пакет с плазмой, над другой – большой пластиковый пакет с прозрачной жидкостью: его усиленно лечили многочисленными капельницами. Бад лежал неподвижно, спеленутый бинтами. Вдруг он почувствовал, что его схватили за член и начали его выкручивать. Когда-то их водили в больницу скорой помощи, и он понял, что ему вставляют мочевого катетер. Ему страшно хотелось пить.

– Джефф, – наконец сумел произнести Бад.

Джефф поцеловал его в лоб. Баду захотелось выпростать из-под одеяла руку, чтобы ласково прикоснуться к Джеффу. Но он не в состоянии был шевельнуться. При малейшей попытке во всем теле возникла сильная боль.

Над ним склонился Расс и просто дотронулся до него, взяв его за руку.

Бад кивнул и подмигнул старшему сыну.

– Он приходит в себя, – сказал молодой человек в больничной униформе. На его груди была приколотая табличка с надписью «Доктор такой-то». Когда только этот молодой парень успел стать врачом?

Бад посмотрел на Джен. На его глаза навернулись слезы. Он увидел рядом с ней совсем юного Джеффа, такого красивого и цельного, и Расса, со всеми его завихрениями в мозгах, с его надеждами и длинными патлами, и вдруг опять вспомнил, как пуля пробила череп бедняги Теда.

«Почему я так плохо все сделал? Меня подловили, как желторотика. Нас обоих подловили. Почему мы даже не подумали о такой возможности? Почему не предусмотрели засаду? Нас взяли тепленькими. Ламар Пай вышиб нас из седла».

– Вы поправитесь, сержант Пьюти, – сказал врач. – Главное – кровопотеря. Еще бы один час – и вы истекли бы кровью. Тогда мы ничего не смогли бы сделать. Этот старик просто камень, скажу я вам.

Должно быть, в глазах Бада отразилась растерянность, потому что Джен тут же объяснила:

– Старик Билл Степфорд. Он в темноте прошел пешком двадцать километров, вернулся на ферму и позвонил в полицию. Это произошло около полуночи. Они искали вас, где только могли, но никому и в голову не пришло искать вас на его ферме. Ты потерял очень много крови. Это было три дня назад.

– Т-т-т-тед? – удалось произнести Баду.

– Не волнуйся о Теде, – сказал Си Ди Гендерсон. – Там, где он сейчас, не испытывают боли.

Баду надо было узнать еще одну, последнюю, но очень важную для него вещь. Он спросил, хотя каждое произнесенное слово высасывало из него всю энергию и волю:

– Почему?

Гендерсон ответил:

– Потому что проклятый Ламар – подонок, вот почему.

Бад недоверчиво покачал головой:

– Но... почему... тогда... жив... я?

– Потому что ты не голубь, вот почему, – произнес Гендерсон. – Старик Степфорд каждую осень охотился на голубей, и единственные патроны, которые сумел найти на его ферме Пай, были предназначены для стрельбы по голубям. Дробь номер восемь и девять. Хирурги возились с тобой четыре часа, Бад. Они извлекли из-под твоей кожи тысячи дробинок. Ни одно из ранений не угрожало жизни, а дробинок оказались стальными, поэтому свинцовое отравление тебе не грозит. Ламар всадил в тебя пять или шесть таких патронов из обрезка. Должно быть, он думал, что у тебя из сердца и кишок вытечет вся кровь. Тебе просто повезло, что ты оставил дома свой пуленепробиваемый жилет. К тому же Ламар стрелял из короткого обрезка и использовал открытые патроны. Рассеяние дроби оказалось большим, и ты не получил ни одного проникающего в грудь или живот ранения. У тебя не повреждены позвоночник, нервная система и мозг. Но вот что я тебе скажу, Бад. Ты теперь ни в каком аэропорту ни за какие коврижки не пройдешь спецконтроль детектором металла.

После долгого забытья Бад проснулся в ясном сознании. На этот раз он увидел перед собой лицо полковника Супенского, суперинтенданта дорожной патрульной полиции. Полковник был похож на Бада, как родной брат: на публике он держался сухо и отчужденно, у

него было одно из тех дубленых, бугристых лиц, которые напоминают годами провисевшие на заборе выцветшие и просушенные до белесости мешки. Все годы вьетнамской войны он прослужил в морской авиации, в его команде были люди, которым он безусловно доверял, – белые люди, носившие оружие и верившие в абстракцию Власти, которой они служили. В компании этих людей полковник мог быть и был общительным и дружелюбным.

– Ну, Бад, старый черт, – сказал он, – даже этот подлый Ламар Пай не смог вышибить из тебя дух! – У полковника были маленькие темные глаза, которые могли иметь одно из трех выражений: безразличие, неукротимую ярость и истинный восторг. Сегодня именно это последнее выражение буквально излучалось из его глаз. – Хотя должен сказать, что иногда копченые индейки, подвешенные на крюк в сарае, выглядят лучше, чем ты.

Бад слабо улыбнулся. Рядом с полковником не было никого из его семьи.

– Я говорил с Джен, Бад. Она прекрасная женщина. Тебе просто повезло с ней, просто повезло, Бад.

Бад кивнул.

– Бад, для меня большая честь и радость сообщить тебе, что Департамент общественной безопасности и Дорожная патрульная полиция Оклахомы решили наградить тебя самой высокой наградой, которую мы можем тебе вручить, – медалью «За доблесть».

Бад глотнул слюну от волнения.

– Мы нашли шесть истраченных обойм от патронов к твоему револьверу 0,357 и пустое зарядное устройство. Будучи тяжело раненным, под огнем двух профессиональных убийц, ты не только сумел ответить на их огонь, но и перезарядил оружие. Может, это ты вселил страх в Ламара и он три часа спустя побоялся убить чету Степфордов и отпустил их. Может быть, ты спас и их жизни. И если бы твой партнер не наделал в штаны, то, кто знает, может быть, вам удалось бы взять братьев Пай.

– Сэр, – возразил Бад, – Тед старался, как только мог.

– Я тоже в этом уверен, Бад. Но факт остается фактом: ты ответил огнем на огонь, а он нет. Когда мы нашли его, он лежал на животе, поджав ноги и обхватив руками голову, как маленький ребенок. Он лежал не сопротивляясь, они просто подошли к нему и пристрелили его. Он не выстрелил в ответ ни разу! Но мы сделаем все, чтобы мальчик получил все мыслимые почести. Люди этого хотят. И Тед получит посмертную награду – Звезду за храбрость Оклахомской дорожной патрульной полиции. В Департаменте общественной безопасности в Оклахома-Сити появится мемориальная доска с его именем. А какие будут похороны! Бад, мы хотим собрать полицейских со всей Америки. В такие моменты наши подразделения должны быть едины.

– Он должен получить самую высшую медаль, – заметил Бад. – Хотя какого черта стоят эти медали?

– Бад, сейчас она действительно мало чего стоит, и я знаю, что ты сейчас чувствуешь. Я тоже потерял немало ребят из своей эскадрильи. Но пройдет время, и эта медаль начнет значить все больше и больше, особенно для твоих мальчиков. Я знаю. Я прошел через это.

– Я понял вас, сэр, – сказал Бад. – А что с братьями Пай? Мы их еще не взяли?

– Факты таковы, что чертовы братья как сквозь землю провалились. Мы не знаем, где они. По всему штату мы задействовали БРШО, ФБР, дорожную полицию, шерифов и военную полицию. Все они носом землю роют. Даже средства массовой информации, будь они неладны, и те сотрудничают с нами. Хотя и это немаловажно. Мы их обязательно возьмем.

Бад кивнул, хотя он не совсем согласился с полковником. Ламар – свихнувшийся зверь, но он был отнюдь не глуп. У него дар руководить людьми, и он умело им пользовался.

– А ты, Бад, отдыхай. Выздоровливай, у тебя будет на это время. Я уже обо всем поговорил с Джен. Так что латай свои раны. Патрульным ты больше не будешь. Тебе несколько раз отказывали в чине лейтенанта; можешь считать, что он твой. Тебе будут полностью оплачи-

вать ту работу, которую ты и так выполняешь, когда замещаешь командира отряда. Во всяком случае, так говорит капитан Джеймс. Со временем, Бад, ты станешь капитаном и получишь под командование отряд патрулей. А может быть, мы прикомандируем тебя к штабу и ты будешь вести занятия по стрельбе. Тебе ведь это придется по душе, а, старина? У хорошего капитана будет прекрасная карьера.

Бад кротко улыбнулся, понимая, что никакие слова в данной ситуации неуместны.

В следующий раз его разбудила боль. Действие лекарств закончилось. Как же у него все болело! Он чувствовал себя так, словно его атаковал рой обезумевших пчел. Малейшее движение или поворот в постели – и пчелы снова принимались за работу.

Бада мучила страшная жажда. Джен налила стакан воды, и он жадно выпил его до дна. У него было ощущение, что сегодня уже другой день и давно наступила ночь.

– Как дела у Холли? – наконец спросил он.

– О, эта женщина все восприняла как надо. Она чувствует себя прекрасно. Ты знаешь, она из тех людей, кто поначалу не слишком переживает свою потерю. Самые тяжелые дни у нее впереди. Я была у нее вчера вечером. Донна Джеймс, Салли Мак-Гинли и другие принесли ей поесть. Все было очень мило. Я думаю, что она в полном порядке. Она очень довольна, что все так переживают за нее и поддерживают в трудную минуту. Все сошлись в мнении, что очень хорошо, что у них не было детей. Она снова выйдет замуж. У нее вся жизнь впереди, ведь она так молода. Теде собираются посмертно дать медаль, одну из самых высоких. Говорят, что будут очень торжественные похороны.

– Как она... отнеслась к тебе?

– Ко мне? В чем дело, Бад? Что ты хочешь сказать?

– Из-за меня убили ее мужа, вот что я имею в виду. Я так плохо действовал в этой передраге, что у меня ощущение, будто это я сам застрелил беднягу Теда.

– Прекрати, Бад. Никто не говорил про тебя ничего подобного и даже про себя не думал, я точно это знаю. Вы просто попали в ловушку к этим злодеям, вот и все, что можно об этом сказать.

Но Бад так не думал. Интересно, на сколько процентов притупилась его бдительность оттого, что он, будучи немного возбужден посторонними мыслями, мало думал о возможности попасть в ловушку Ламара? Что он упустил из виду? Следы машины, признаки беспорядка на ферме, все те маленькие детали, те сигналы, которые обязательно должен подмечать полицейский, если хочет остаться в живых. Надо было посмотреть, в каком месте они спрятали «додж» Уилларда Джонса, и это должен был сделать он, Бад. Но куда там! Баду было не до этого, он в это время был занят мыслями о всяком дерьме, собственно говоря, он сам спустил штаны и подставил задницу, чтобы Ламар выпорол его как следует. Он сам открыл дверь: здравствуйте, уважаемый мистер Пай! Входите, пожалуйста. Спасибо вам большое. И Ламар сделал то, что должен был сделать Ламар; достаточно было посмотреть в эти горящие глаза, прочитать ориентировки, где перечислялись его уголовные преступления и убийства, чтобы понять, что за фрукт этот Ламар Пай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.